

ДВОЙНИК

ДЖЕФФРИ
ЛИНДСЕЙ

ДЕКСТЕРА

A promotional poster for the TV show 'Dexter'. It features a close-up of the character Dexter Morgan, played by Jeffrey Lindsay. He is looking directly at the camera with a serious, intense expression. His hands are clasped together in front of him. He is wearing a dark teal or green button-down shirt. The background is white with numerous splatters of red blood, some of which are on his face and shirt. The title 'ДЕКСТЕРА' is written in large, bold, red letters across the top, with a black outline. Above it, the word 'ДВОЙНИК' is in black. To the right, the actor's name 'ДЖЕФФРИ ЛИНДСЕЙ' is written in black. At the bottom left, there is a tagline in Russian.

Самый
обаятельный убийца —
в опасности!...

Декстер

Джефффри Линдсей
Двойник Декстера

«АСТ»

2011

Линдсей Д.

Двойник Декстера / Д. Линдсей — «АСТ», 2011 — (Декстер)

Приключения очаровательного «джентльмена-маньяка» Декстера Моргана, охотника на серийных убийц, продолжают! Раньше ни с чем подобным Декстеру Моргану сталкиваться не доводилось... Но на сей раз приходится признать: Декстера, расправлявшегося с очередным монстром-педофилом, ВИДЕЛИ. Свидетель шантажирует его и грозитя разоблачить. И это – одновременно с охотой на собственного «двойника», опасного и беспощадного преступника, избравшего своими жертвами... полицейских Майами!

© Линдсей Д., 2011

© АСТ, 2011

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	47
Глава 9	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Джеффри Линдсей Двойник Декстера

Jeff Lindsay
DOUBLE DEXTER

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Nicholas Ellison Agency, Sanford J. Greenburger Associates, Inc. и Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

© Jeff Lindsay, 2011

© Перевод. В.С. Сергеева, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается, как всегда, Хилари

От автора

Я невероятно признателен Саманте Стейнберг, настоящему профессионалу, одному из лучших в нашей стране следователей и автору «Идентификационного каталога» и «Этнического каталога», за то, что она просмотрела мою рукопись.

И конечно же, моя благодарность Медвежонку, Пуки и Тинку, которые напоминают мне, почему я этим занялся.

Глава 1

Естественно, на небе облака. Они затягивают небосвод целиком и скрывают дрожащую пухлую луну, которая словно откашливается, зависая над ними. Пробивается тоненький ручеек лунного света – но никакого блеска, он приглушен наплывающими облаками, низкими, вздутыми, переполненными до краев. Вскоре они разверзнутся и разразятся проливным летним дождем – очень скоро, так как им тоже не терпится сделать то, что они должны, настолько не терпится, что они готовы взорваться. Хоть и приходится изо всех сил удерживать дождь, который неизбежно прольется, причем вот-вот.

Скоро – но не сейчас, не сию секунду. Облака вынуждены ждать, набухая силой, накопившейся в них. Это подлинная, оглушительная поступь грядущего, того, что непременно случится, когда наступит время, необходимость достигнет пика и будет соответствовать моменту. Тогда станет окончательно и бесповоротно ясно – «сейчас»...

Но время еще не настало. Поэтому облака сердито хмурятся, громоздятся и ждут, нагнетая в себе потребность, напряжение растет. Скоро придет миг, обязательно придет. Всего через несколько секунд темные молчаливые облака разорвут ночную тишину нестерпимо ярким утверждением своего могущества и разобьют мрак на мерцающие осколки – и тогда, лишь тогда, придет облегчение. Тучи раскроются, и все напряжение, необходимое для того, чтобы удерживать в себе такую тяжесть, выплеснется в потоке чистой радости освобождения, и их восторг будет литься, заполняя мир благословенными дарами света и свободы.

Этот миг близок, мучительно близок – но время еще не пришло. А потому облака ждут подходящего момента, темнея, раздуваясь, обрастая тенями... пока еще можно сдерживаться.

А что происходит внизу, в беззвездной ночи? Здесь, на земле, в неподвижной тьме, созданной облаками, угрюмо заслонившими луну и захватившими небо? Что это такое, не знающее неба, темное, быстрое, готовое, выжидающее, скользит во мраке, точь-в-точь как облако? Оно тоже ждет, какова бы ни была его темная сущность; оно напряжено, как сжатая пружина, и подстерегает подходящий момент, чтобы выполнить задуманное, то, к чему призвано, то, что делало всегда. И этот момент подкрадывается к нему мелкими шажками, будто хорошо знает, что должно случиться, хотя ему страшно, и он чувствует ужас от приближающегося озарения, которое подбирается ближе и ближе... пока не окажется прямо за спиной, дыша в затылок и ощущая теплую пульсацию нежных вен.

Пора.

Чудовищная вспышка молнии разрывает ночь и высвечивает рослого пухлого мужчину, бегущего через лужайку, словно и он чувствует за спиной дыхание мрака. Гремит гром, снова сверкает молния – фигура приближается. Человек держит в руках лэптоп и картонную папку, он ищет ключи и опять исчезает во мгле, когда молния гаснет. Очередная вспышка – человек уже совсем близко, он крепко сжимает свою ношу и позвякивает ключами от машины. И вновь исчезает, когда опускается мрак. Внезапная тишина, такая опустошающая, как будто весь мир перестал дышать и даже мгла затаила дыхание.

А потом прилетает неожиданный порыв ветра, слышится последний тяжкий удар грома, и вселенная кричит:

«Пора!» Пора.

Все, что должно случиться этой темной летней ночью, пойдет своим чередом. Небеса разверзаются, избавляясь от груза, мир вновь начинает дышать, внизу, во влажной тьме, напряжение слабеет, пружина разворачивается медленно и осторожно, мягкие внимательные щупальца тянутся к рыхлому неуклюжему, похожему на клоуна человеку, который пытается под потоками внезапного ливня открыть дверцу машины. Она распаивается, лэптоп и папка падают на сиденье, человек садится за руль, захлопывает дверцу и делает глубокий вдох, вытирая воду с

лица. Он улыбается – и в улыбке сквозит легкое торжество. Он уже привык к этому ощущению. Стив Валентайн – счастливiec, в последнее время колесо Фортуны то и дело поворачивалось в его сторону, и он думает, что и сегодня ему опять улыбнулась удача. Стив Валентайн считает: жизнь удалась.

На самом деле она почти кончена.

Стив Валентайн – клоун. Не шут по жизни, не веселая карикатура на нелепую рутинность бытия. Он настоящий клоун, который дает объявления в местных газетах и выступает на детских вечеринках. К сожалению, он живет не ради веселого и невинного младенческого смеха, и порой ловкость его рук выходит из-под контроля. Его дважды арестовывали, когда родители сообщали полиции, что нет необходимости отводить ребенка в темную комнату, чтобы показать, как сделать животное из воздушного шарика.

Оба раза Валентайна освобождали за недостатком улик, но он понял намек, и больше никто не жаловался – за неимением такой возможности. Нет, он не перестал развлекать детей. Конечно, нет. Леопарды не меняют своих пятен – не изменился и Валентайн. Он стал мудрее и злее, как раненый хищник. Он вел долговременную игру, полагая, будто нашел способ играть вечно, не платя.

Он ошибается.

И сегодня ему придет счет.

Валентайн живет к северу от аэропорта Опа-Лока в старом доме, которому самое малое лет пятьдесят. На улице перед домом стоят брошенные автомобили, некоторые из них сожжены. Здание слегка вибрирует, когда в небе пролетают реактивные самолеты, заходя на посадку или набирая высоту, и их шум смешивается с постоянным гудением транспорта на ближайшем шоссе.

Квартира Валентайна – номер одиннадцать, на втором этаже. Из окна открывается отличный вид на убогую детскую площадку с ржавыми лесенками, покосившейся горкой и баскетбольным кольцом без сетки. Валентайн выставил на балкон потрепанный шезлонг, чтобы обозревать двор в свое удовольствие. Он может сидеть здесь, потягивая пиво, и наблюдать за играющими детьми, с наслаждением выстраивая планы, как он однажды сам с ними поиграет.

Что он и делает. Насколько нам известно, Валентайн поиграл как минимум с тремя мальчишками. Может быть, их было больше. За последние полтора года из близлежащего канала трижды выуживали маленькие трупы. Детей сначала насиловали, а потом душили. Все мальчишки – из этого района, то есть из бедных семей, возможно, живущих здесь нелегально. Родители вряд ли могли обратиться в полицию, даже когда их дети погибали, а потому такие ребята – идеальные жертвы для Валентайна. Так случилось по крайней мере трижды, и у полиции не нашлось никаких зацепок.

Но у нас они есть. И более того, мы точно знаем. Стив Валентайн наблюдал за малышами, играющими на площадке, а потом уводил их в темноту и обучал последней игре собственного изобретения, после чего сбрасывал в грязную воду замусоренного канала. Затем он, удовлетворенный, возвращался на допотопный шезлонг, открывал банку пива и обозревал площадку в поисках нового маленького друга.

Валентайн считал себя очень умным. Он думал, что усвоил уроки прошлого и нашел отличный способ исполнять свои мечты и беспрепятственно вести столь необычный образ жизни. Он полагал, будто ни у кого не хватит мозгов остановить его. И до сих пор он не ошибался.

Но лишь до сих пор.

Валентайна не оказалось дома, когда полицейские расследовали убийство трех мальчиков, и ему не просто повезло. Это тоже была мудрость хищника – Валентайн обзавелся устройством для прослушивания полицейской волны. Он знал о предстоящих визитах копов. Такое, правда, случалось редко. Полицейские не любят навещать бедные районы, поскольку враждеб-

ное безразличие – это лучшее, на что здесь можно надеяться. Именно поэтому Валентайн тут и живет. Но копы все-таки иногда навешиваются, однако он узнает об этом заранее.

Копы приезжают, если положено. А им уж точно положено, когда кто-нибудь набирает 911 и сообщает, что в квартире номер 11 на втором этаже идет драка. А если позвонивший говорит, будто потасовка внезапно прервалась жутким воплем, после которого наступила тишина, копы появляются быстро.

Когда Валентайн, услышав переговоры по рации, понимает, что полицейские едут к нему домой, он, разумеется, исчезает, прежде чем они здесь окажутся. Он заберет все, указывающее на его маленькое хобби, – а такие штучки у Валентайна имеются, как же иначе! – торопливо сбежит по лестнице и сядет в неосвещенный салон машины, не сомневаясь, что успеет уехать подальше и переждет, пока рация не оповестит его о чистоте горизонта.

Он и не подумает, что Незнакомец озаботился списать номер его машины. Валентайн ездит на светло-синем «шевроле-блейзере» двенадцатилетней давности с наклейкой «Выбери жизнь» и магнитиком на дверце, который гласит: «Клоун Пуффалумп». И уж точно Валентайн не заподозрит, что Незнакомец ждет его на заднем сиденье машины, спрятавшись в темноте.

Итак, Валентайн ошибется дважды. Незнакомец действительно знает его машину и каралит хозяина, свернувшись на полу в темноте под задним сиденьем старого «шевроле». Кто-то ждет, когда Валентайн закончит вытирать лицо и с легкой торжествующей улыбкой наконец-то – наконец-то! – сунет ключ в замок зажигания и заведет мотор.

Когда мотор включается, наступает нужный момент – наконец-то! – и Нечто, восстав из мрака, в мгновение ока набрасывает петлю из капроновой лески, способной удержать груз в пятьдесят фунтов, на пухлую шею Валентайна и туго ее затягивает, прежде чем тот успевает сказать что-нибудь помимо «Гхрр!...». Валентайн начинает нелепо, слабо и жалко размахивать руками, и тогда Незнакомец чувствует холодное презрение и власть, которые текут по леске, вливаясь в удерживающие ее пальцы. Улыбка сбегает с лица Валентайна и оживает на нашем. Мы так близко, что чуем его страх, слышим перепуганный стук сердца, ощущаем, как он задыхается... и это хорошо.

– Теперь ты принадлежишь нам, – говорим мы, и наш Командный Голос поражает клоуна, как удар молнии, которая сверкает снаружи, подчеркивая темноту. – Ты сделаешь то, что мы прикажем, и только так, как мы потребуем.

Валентайн думает, будто имеет право высказаться. Он издает слабый всхлипывающий звук, но мы туго натягиваем петлю, очень туго, всего на мгновение, чтобы он понял: его дыхание – в нашей власти. Лицо Валентайна синее, глаза вылезают из орбит, он хватается руками за шею, пальцы несколько секунд беспомощно царапают петлю, а потом все вокруг него темнеет, руки падают на колени, он валится вперед и начинает терять сознание, поэтому мы отпускаем леску. Для него еще рано, слишком рано.

Плечи Валентайна вздрагивают, он издает звук, похожий на скрежет ржавого замка, и втягивает воздух, сокращая то количество вдохов, которое у него еще осталось. Еще не зная, что их число невелико, он поспешно вдыхает снова, уже свободнее, а потом выпрямляется и тратит драгоценный воздух, хрипло проговорив:

– Какого хрена?..

Из его носа капает отвратительная слизь, голос звучит сипло, странно и очень неприятно, поэтому мы снова натягиваем петлю, на сей раз не сильно, но достаточно, чтобы Валентайн понял: теперь он принадлежит нам. Он послушно разевает рот, хватается за горло и наконец замолкает.

– Ни слова, – говорим мы. – Езжай.

Он поднимает голову, смотрит в зеркальце заднего вида и впервые ловит наш взгляд – только взгляд, холодный и темный, в узких прорезях блестящего шелкового капюшона, который закрывает лицо. Валентайн будто бы собирается что-то сказать, но мы слегка подергиваем

петлю, просто чтобы напомнить, и он быстро передумывает, отводит глаза от зеркала, включает передачу и трогается с места.

Мы осторожно направляем его на юг, то и дело поощряя легкими подергиваниями удавки, желая укрепить в мозгу Валентайна одну-единственную мысль – даже дыхание не дается даром, и он будет дышать, только когда мы позволим. Большую часть пути Валентайн ведет себя хорошо. Лишь один раз на светофоре он снова смотрит на нас, откашливается и спрашивает:

– Что вы... куда мы едем?

Тогда мы с силой тянем поводок, и мир вокруг Валентайна меркнет.

– Туда, куда тебе велят, – говорим мы. – Рули и не болтай – возможно, протянешь чуть дольше.

Этого достаточно, чтобы он покорился; Валентайн еще не знает, но скоро, совсем скоро он сам не захочет жить дольше, поскольку ему предстоит убедиться, что это очень больно.

Мы осторожно направляем его по переулкам в район, застроенный домами поновее. Почти все они закрыты за долги. Заранее выбрав и подготовив один из них, мы везем Валентайна туда по тихой улочке мимо сломанного светофора под старомодный навес, примыкающий к дому, заставляем припарковаться у дальней стены, чтобы машину не увидели с дороги, и выключить мотор.

Долгое время мы ничего не делаем, только держим удавку и слушаем ночь. Но мы отмахиваемся от нарастающего журчания лунной музыки и мягкого, неодолимого шелеста внутренних крыльев, которые до боли жаждут распахнуться и взмыть в небо. Нам нужно соблюдать осторожность. Мы отслеживаем каждый звук, способный ворваться незваным в эту ночь. Мы слушаем – и до нас доносятся шум дождя и ветра, плеск воды по крыше навеса, шелест деревьев, которые раскачивает летняя гроза. И больше ничего.

Мы внимательно смотрим: в доме справа, единственном, из которого видно навес, темно. Он пуст, как и тот дом, рядом с которым мы остановились, и мы заранее удостоверились – здесь никого нет. Мы тихо выглядываем на улицу, наострив уши и осторожно пробуя на вкус теплый сырой ветер. Мы ищем в нем следы присутствия иных существ, способных видеть и слышать... Никого. Мы делаем глубокий, чудесный вдох, втягивая в легкие воздух, наполненный вкусом и запахом удивительной ночи и тех прекрасных и страшных дел, которыми мы вскоре займемся все вместе, только мы – и клоун Пуффалумп.

Валентайн откашливается, пытаясь сделать это тихо и незаметно, в надежде избавиться от острой боли, которую причиняет удавка, и каким-то образом осмыслить ту невозможную ситуацию, в которую он, такой уникальный и удивительный, влип. Звук его кашля отдается в наших ушах, как кошмарный лязг тысяч зубов, и мы снова рывком затягиваем петлю – так сильно, чтобы ободрать кожу и отбить у Валентайна охоту издавать какие-либо звуки. Он откидывается на спинку кресла, а потом молча валится вперед, вытаращив глаза. Мы торопливо выходим из машины, открываем дверцу со стороны водителя и вытаскиваем Валентайна, который падает на колени на бетонное покрытие под темным навесом.

– Живей, – приказываем мы и слегка ослабляем удавку. Он смотрит на нас, и, судя по выражению лица, от него совершенно ускользает сам смысл слова «живей». Заметив, как в его глазах растет новое чудесное осознание, мы затягиваем петлю, чтобы окончательно утвердить Валентайна в этой мысли. Тогда он неловко поднимается с колен и шагает впереди нас во мрак пустого дома, через заднюю дверь со спущенными жалюзи. Здесь его новое жилище – последнее, где он будет жить.

Мы ведем Валентайна на кухню и позволяем побыть несколько секунд в тишине. Мы стоим у него за спиной, вплотную, удерживая петлю сильной рукой. Он стискивает кулаки, шевелит пальцами и снова откашливается.

– Пожалуйста... – шепчет он сиплым голосом, который умер первым.

– Да, – говорим мы, и волны нашего спокойного терпения накатываются на берег безумной радости. Вероятно, Валентайну кажется, что он слышит надежду в этом мирном предвкушении. Он слегка качает головой, словно ему под силу противостоять волне и вернуться.

– За что? – хрипло спрашивает он. – Я... я... почему?

Мы туго стягиваем петлю и следим, как его дыхание останавливается, а лицо темнеет. Валентайн снова валится на колени, но мы отпускаем удавку, прежде чем он успевает потерять сознание. Совсем чуть-чуть, только чтобы в его легкие через израненную глотку проникло немного воздуха и он ожил. Тогда мы скажем ему все, откроем радостную правду.

– Потому что! – говорим мы, опять туго затягивая петлю – еще туже, очень туго, – и с радостью видим, как он погружается в бездыханный сон и падает лиловым лицом в пол, описав в воздухе дугу.

Теперь мы работаем быстро. Нужно подготовиться, прежде чем Валентайн проснется и испортит нам веселье. Мы забираем из машины небольшую сумку с нашими штучками и инструментами, папку, которую он бросил на сиденье, и быстро возвращаемся на кухню. Скоро Валентайн уже примотан скотчем к кухонному столу, одежда на нем разрезана, рот накрепко заклеен, а вокруг разложены красивые фотографии, найденные в папке. Очаровательные фото маленьких мальчиков. Одни смеются, глядя на клоуна, другие просто держат мяч или качаются на качелях. Три снимка поставлены именно с таким расчетом, чтобы Валентайн обязательно их увидел. Три простых фотографии, вырезанные из газетных статей про трех маленьких мальчиков, найденных мертвыми в канале.

Когда подготовка закончена и все расставлено по местам, у Валентайна начинают дрожать веки. Несколько секунд он лежит спокойно, чувствуя, как теплый воздух касается его обнаженного тела, которое удерживает в неподвижности тугой крепкий скотч. Возможно, он гадает, что случилось. Потом, видимо, он вспоминает, резко открывает глаза и пытается совершить невозможное – разорвать скотч, сделать глубокий вдох, закричать наглухо заклеенным ртом, чтобы услышал хоть кто-нибудь в стремительно сужающемся мире. Впрочем, ничего не происходит и больше никогда не случится, только не для него. Для Валентайна осталось лишь одно. Нечто маленькое, несущественное, бессмысленное, но чудесное и совершенно необходимое, и сейчас это будет сделано, именно сейчас, несмотря на тщетные неуклюжие попытки сопротивления.

– Расслабься, – говорим мы и касаемся рукой в перчатке его обнаженной, тяжело вздымающейся груди. – Скоро все закончится.

И мы действительно имеем в виду «все», совсем все – вздохи и моргания, алчные взгляды и смешки, вечеринки в честь дня рождения и воздушные шарик, хищные прогулки в темноте по пятам за каким-нибудь беспомощным маленьким мальчиком. Все закончится скоро и навсегда. Мы похлопываем Валентайна по груди.

– Но не слишком скоро, – успокаиваем мы, и холодная радость от осознания простой истины охватывает нас и сияет в глазах. Он это видит и, наверное, хорошо понимает. И возможно, по-прежнему питает дурацкую немыслимую надежду. Но когда он обмякает на столе в нерушимо прочной хватке скотча, в крепких объятиях сегодняшней безумной ночи, вокруг начинает звучать чудесная музыка Темного Танца. Мы принимаемся за работу, и для Валентайна надежда исчезает навсегда, как только мы приступаем к традиционной процедуре.

Она начинается – медленно, но не робко, движения не назовешь неуверенными, о нет. Медленно – значит, долго. Можно продлить удовольствие, насладиться каждым хорошо спланированным, многократно отрепетированным, часто повторяемым движением и постепенно подвести клоуна к финальному озарению, простому и ясному осмыслению того, каким образом он умрет – здесь, сегодня, сейчас. Мы медленно рисуем Валентайну правдивую картину того, как это должно случиться, мощными темными штрихами доказывая, что ничего иного не будет. Он покажет свой самый последний фокус – здесь, сегодня, сейчас, неторопливо и педан-

тично, шаг за шагом, кусок за куском, ломтик за ломтиком заплатит пошлину веселому мостовому сторожу, вооруженному сверкающим лезвием. Валентайн медленно пересечет последнюю черту, отделяющую его от бесконечной тьмы, о которой он скоро будет мечтать и с которой страстно захочет слиться, поскольку к тому времени поймет: это единственный способ прекратить боль. Но не сразу, не теперь, не слишком быстро. Сначала нужно подвести его к этой черте, к точке невозврата, а потом пусть сделает еще один шаг – туда, где станет совершенно ясно, что мы приблизились к краю и обратной дороги нет. Он должен увидеть, проникнуться, понять и принять происходящее как нечто правильное, необходимое и неизменное, и наш приятный долг – указать Валентайну на границу, которой отмечено начало конца, и провозгласить: «Видишь? Вот где ты теперь. Ты перешел черту, и теперь все закончится».

И мы принимаемся за работу, а вокруг звучит музыка, и луна смотрит в просветы облаков, радостно хихикая над увиденным. Валентайн очень отзывчив. Он задает тон, шипит, издает сдавленные вопли, когда понимает: сделанное нельзя отменить; и цель всего этого – устроить так, чтобы он побыстрее исчез. Он, Стив Валентайн, клоун Пуффалумп, смешной человек в белом гриме, который искренне и пылко любит детей, так сильно, так часто и, как правило, таким неприятным способом. Он – Стив Валентайн, клоун, который выступает на вечеринках и способен за один час провести ребенка по радуге жизни до самого конца, от радости и счастья до финальной агонии, безнадежно меркнувшего света и грязной воды близлежащего канала. Стив Валентайн, который оказался слишком умен для тех, кто пытался его остановить или доказать его преступные деяния в зале суда. Но теперь он не в зале суда и никогда там не окажется. Сегодня он лежит на скамье подсудимых перед Судом Декстера, и вердикт блестит в нашей руке. Там, куда он отправится, не будет государственных адвокатов и апелляций.

Но перед тем как стукнуть судейским молотком в последний раз, мы медлим. На наше плечо опустилась маленькая надоедливая птичка, которая беспокойно напевает: «Чирик-чирик, не ошибись». Знакомая песенка. Нам известно ее содержание. Это – кодекс Гарри, который гласит: нужно удостовериться, убедиться, что это именно тот человек, а мы поступаем правильно. И если все совпадет, мы закончим свое дело с гордостью и радостью, ощутив удовлетворение от совершенного.

И вот теперь, когда то, что осталось от Валентайна, еще дышит, медленно и с большим трудом, когда в его красных опухших глазах еще виднеется последний огонек разума, мы останавливаемся, склоняемся над ним и поворачиваем его лицо к фотографиям, расставленным вокруг. Мы отрываем скотч с одного уголка рта – ему, конечно, больно, но совсем чуть-чуть по сравнению с тем, что он уже пережил, поэтому Валентайн не издает ни звука, только с тихим шипением втягивает воздух.

– Видишь? – спрашиваем мы, тряся его за мокрый дряблый подбородок и стараясь, чтобы он непременно увидел фотографии. – Видишь, что ты сделал?

Он замечает их, и усталая улыбка приподнимает незаклеенный уголок рта.

– Да, – говорит он слегка приглушенным из-за скотча голосом, хриплым после удушения, который тем не менее звучит отчетливо, когда Валентайн узнает фотографии. Надежда уже покинула его, всякий вкус к жизни пропал, но маленькое приятное воспоминание по-прежнему раздражает вкусовые сосочки, стоит ему посмотреть на лица мальчиков, которых он убил.

– Они были... такие красивые... – Глаза скользят по фотографиям, взгляд надолго замирает, а потом Валентайн смежает веки. – Красивые... – повторяет он, и этого достаточно: мы с ним близки как никогда.

– Ты тоже, – говорим мы, приклеивая скотч обратно, и снова беремся за работу, погружаясь в заслуженное блаженство, когда в веселом, все прибывающем лунном свете звучит финал симфонии. Музыка возносит нас выше и выше, и наконец медленно, осторожно, но ликующе раздается последний торжественный аккорд, высвобождающий в теплую влажную ночь бук-

вально всё... всё. Гнев, горе, напряжение, смущение, разочарование от ежедневной бессмысленной рутины, которую мы вынуждены преодолевать лишь для того, чтобы это все-таки произошло. Мелкие, глупые, нелепые попытки смешаться с двуногим стадом минули, умчались в благословенную тьму, а вместе с ними, тащась следом за ними, как побитый щенок, и то, что осталось внутри истерзанной оболочки Стива Валентайна.

До свидания, Пуффалумп.

Глава 2

Мы прибирались и чувствовали, как истома медленно проникает в наши кости – удовлетворение и приятная лень при мысли о том, что мы справились, притом неплохо, со всем, что требовалось от нас в эту счастливую ночь под знаком Необходимости. Облака разошлись, осталось бодрое сияние луны, и нам стало намного лучше. После сделанного всегда становится лучше.

Может быть, мы обращали слишком мало внимания на обволакивающую нас тьму, замкнувшись в коконе собственной радости, но вдруг услышали шорох, негромкое испуганное дыхание, а потом торопливый шелест ног. Прежде чем мы успели что-либо сделать, кроме как обернуться на звук, шаги затихли в направлении черного выхода темного дома, и дверь захлопнулась. Мы смогли лишь последовать за ними и увидеть через дверное стекло в молчаливом всеобъемлющем смятении, как стоявшая у обочины машина вдруг ожила и умчалась в ночь. Задние габариты горели, причем левый висел под странным углом, и мы успели разглядеть, что это старая «хонда» какого-то неопределенно темного цвета с огромным ржавым пятном на багажнике, похожим на большую металлическую родинку. Машина умчалась прочь, а в нашем животе стянулся ледяной едкий узел, когда невероятная, страшная правда, обжигая, вырвалась на поверхность, и паника хлынула, как невыносимо яркая кровь из свежей раны.

Нас увидели.

В течение долгой жуткой минуты мы просто стояли и смотрели в стекло, ошеломленные бесчисленными отголосками этой невероятной мысли. Нас застучали. Кто-то пришел сюда, неслышно и незаметно, и наблюдал, как мы, измученные и довольные, склонились над небрежно завернутыми останками. Скорее всего он увидел достаточно, чтобы распознать в странного вида кусках Валентайна, поскольку человек, кем бы он ни был, скрылся бегом, в ужасе, с быстротой молнии и растаял в ночи, прежде чем мы успели хотя бы вздохнуть. Возможно, он даже разглядел наше лицо. Во всяком случае, он многое видел, понял происходящее и убежал прочь, в безопасное место, наверное, чтобы позвать полицию. Быть может, этот человек звонит в полицию прямо сейчас, посылая по нашему следу патрульные машины арестовать нас... а мы торчим как вкопанные, в неподвижном оцепении, согнувшись и глядя с раскрытым ртом вслед исчезнувшему свету фар, пораженные и непонимающие, словно ребенок, который смотрит знакомый мультфильм с субтитрами на иностранном языке. Нас видели... И наконец вслед за этой мыслью приходит страх, который побуждает нас приступить к действию, включить первую скорость и поспешно довести уборку до конца, а затем вынести из дома еще теплые свертки с плодами того, что было сделано этой ночью, совсем недавно такой дивной.

Как ни странно, мы спокойно выходим и едем в темноту. Нет никаких признаков погони. Не воют предупреждающие сирены, не визжат покрышки, не слышится треск раций, не звучат угрозы, предвещающие Приближающуюся Погибель.

Когда я наконец, напряженно и осторожно, выбираюсь из этого района, одна-единственная мысль, бессмысленная и глупая, то и дело возвращаясь, бурлит во мне, напоминая непрерывный плеск волн на каменистом пляже.

Нас видели.

Эта мысль не покидает меня, когда я избавляюсь от останков, и неудивительно. Я еду, одним глазом поглядывая в зеркало заднего вида, в ожидании ослепительной вспышки синего света неподалеку от бампера и резкого короткого воя сирены. Но ничего так и не происходит, даже после того, как я бросаю машину Валентайна, сажусь в свою и опасно пробираюсь домой. Ничего. Я предоставлен самому себе и нахожусь в полном одиночестве, преследуемый только демонами собственного воображения. Невероятно. Кто-то видел меня в действии, вполне недвусмысленном. Он смотрел на аккуратно расчлененное тело Валентайна

и на довольного мясника, стоящего над останками. Не нужно решать дифференциальное уравнение, чтобы получить ответ: А плюс Б равняется Старина Спарки¹ специально для Декстера, и кто-то, придя к этому решению, сбежал и выбрался в безопасное место, но почему-то не вызвал полицию.

Нелепо. Безумно, невероятно, невозможно. Меня застукали – и я скрылся без всяких последствий. Я не мог поверить в это, но медленно и постепенно, пока я припарковывался возле дома и некоторое время сидел в машине, моя Логика вернулась из дальнего путешествия на остров Адреналина. Облокотившись на руль, я принялся дружески беседовать с самим собой.

Ну ладно, меня видели *in flagrante iugulo*², и я имел все основания ожидать немедленного изобличения и ареста. Но до сих пор этого не произошло: я – дома, избавился от улики, и ничего не осталось, чтобы доказать мою причастность к тому сладкому ужасу в заброшенном доме. Кто-то мельком взглянул на происходящее, да. Но там было темно – скорее всего слишком темно, чтобы разглядеть мое лицо, особенно пребывая в состоянии испуга, за одну секунду, тем более я стоял вполоборота. И вряд ли кто-нибудь сумел бы в расплывчатой фигуре, державшей нож, распознать реального человека, живого или мертвого. Пробив по номерам машину Валентайна, сыщики выйдут только на Валентайна, а у меня имелись веские основания полагать, что он не ответит на их вопросы, ну если только не прибегнуть к столоверчению.

В том исключительно маловероятном случае, что меня все-таки узнали и решатся выдвинуть безумное обвинение, полиция не найдет никаких улик. Перед ними предстанет человек с безупречной репутацией стража порядка, который, разумеется, будет держаться с достоинством и посмеется над нелепыми заявлениями. Естественно, никто в здравом уме не поверит, будто я, хотя бы теоретически, мог совершить нечто подобное, – разумеется, кроме моей персональной немезиды, сержанта Доукса, однако и у него ничего нет, кроме подозрений, которые он вынашивает так долго, что, наверное, уже испытывает от этого удовольствие.

Что остается? Не считая зыбкого представления о чертах моего лица, да и то весьма туманного. Что из увиденного загадочным свидетелем способно отрицательно сказаться на желании Декстера оставаться на свободе?

Шестеренки и колесики в моем могучем мозгу крутились и щелкали, пока наконец я не получил ответ: ничего.

Мне не смогут предъявить ничего из того, что этот таинственный перепуганный наблюдатель мог увидеть в темном заброшенном доме. Единственный возможный вывод, чистая дедукция, без вариантов. Я находился дома и на свободе, и, судя по всему, мне удастся и впредь пребывать в этом состоянии. Я сделал глубокий вдох, вытер руки о штаны и пошел домой.

Там, конечно, царила тишина, поскольку все давно спали. До меня донеслось легкое похрапывание Риты, когда я заглянул к Коди и Эстор. Они мирно почивали и видели свои короткие жестокие сны. Дальше по коридору, в спальне, лежала крепко спящая Рита, а в колыбельке свернулась Лили-Энн, чудесная и невероятная годовалая Лили-Энн, смысл моего нынешнего существования. Я стоял, глядя на малышку и восхищаясь, как всегда, совершенством ее лица и красотой крохотных пальчиков. Лили-Энн – начало всего хорошего, что есть в Декстере Номер Два.

Я многим рисковал сегодня, вел себя глупо, бездумно и чуть не заплатил самую высокую цену – арест, тюрьма, невозможность побаякать в объятиях Лили-Энн, поддержать ее за ручку, когда она неуклюже делает первые шаги... и, разумеется, я потерял бы возможность разыскать очередного милого друга вроде Валентайна и отвести его на Темную Игровую Площадку. На

¹ Электрический стул (амер. сленг). – Примеч. ред.

² Буквально – «на месте разрезания», от лат. «*in flagrante delicto*» – «на месте преступления». – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.

кону оказалось слишком многое. Теперь придется залечь на дно и вести себя очень примерно, пока я окончательно не удостоверюсь, что горизонт чист. Развевающиеся юбки старой шлюхи по имени Фемида на ходу задели меня, и больше я не стану полагаться на удачу. Нужно отказаться от Ужасающих Увеселений и сделать так, чтобы образ Папочки Декстера слился с моей подлинной сутью. И может быть, на сей раз пауза навсегда. Так ли мне нужно рисковать самым ценным, чтобы совершать эти страшные и прекрасные дела? Я услышал негромкое, удовлетворенное, насмешливое хихиканье Темного Пассажира, который отправился отдыхать. «Да, нуж-ж-жно», – прошипел он сонно и доволью.

Но не сейчас. Сегодняшний вечер еще не окончен, и я о нем не забуду. Меня видели. Я забрался в постель и закрыл глаза, но нелепый страх разоблачения вновь посетил мой разум. Я боролся с ним, выметал неумолимой метлой логики. Я – в абсолютной безопасности. Меня не узнают, я нигде не оставил улики, и рассудок подсказывал: проделанное сошло мне с рук. Все в порядке... хотя сам я так в это и не поверил, но наконец провалился в беспокойный сон без сновидений.

На следующий день на работе не произошло ничего такого, о чем стоило бы тревожиться. В лаборатории полицейского департамента Майами-Дейд царилло полное спокойствие, когда я приехал. Воспользовавшись утренним затишьем, я включил компьютер. Тщательный обзор вчерашних отчетов подтвердил: никто не звонил с просьбой о помощи и указанием на маньяка с ножом в заброшенном доме. Не о чем волноваться, никто меня не искал. Если этого не случилось до сих пор – значит, не случится никогда. Пока что я был в безопасности.

Логика согласилась с официальным отчетом: я – в безопасности. И в течение следующих нескольких дней она продолжала мне это твердить, но почему-то дурацкий мозг отказывался верить. Сидя за работой, я ловил себя на том, что поднимаю плечи, защищаясь от удара, который и не собирался обрушиваться – я знал, он и не обрушится, но все-таки ожидал его. Я просыпался ночью и прислушивался, не стягивается ли вокруг дома отряд быстрого реагирования.

Но ничего не случалось, во мгле ни разу не зазвучали сирены, никто не постучал в дверь и не надавил на гудок, требуя моего немедленного выхода с поднятыми руками. Жизнь катилась по хорошо наезженной колее, правосудие не требовало головы Декстера, и вскоре начало казаться, будто какой-то жестокий незримый бог поддразнивает меня, смеется над моей постоянной бдительностью, издевается над бессмысленными дурными предчувствиями. Словно ничего на самом деле и не произошло или Свидетель погиб от внезапного самовозгорания. Но я не мог избавиться от ощущения, будто ко мне что-то подбирается.

Я ждал, и волнение росло. Работа стала мучительной проверкой на выносливость, ежевечернее сидение дома с семьей – неприятной обязанностью. Воодушевление покинуло Декстера.

Когда напряжение становится слишком сильным, взрываются даже вулканы, а они-то – из камня. Я же сделан из материала помягче, а потому не стоит удивляться, что, проведя три дня в ожидании удара, я наконец взорвался.

Рабочий день выдался особенно неприятным без всяких видимых причин. Гвоздем программы стал полуразложившийся труп какого-то утопленника, который, вероятно, некогда был молодым человеком, оказавшимся не по ту сторону крупнокалиберного пистолета в момент выстрела. Пожилая чета из Огайо обнаружила бедолагу, наехав на него своей взятой напрокат понтонной лодкой. Шелковая рубашка утопленника намоталась на винт, и почтенный житель Экрона пережил легкий сердечный приступ, когда, наклонившись через борт, чтобы очистить лопасти, увидел, как из воды на него смотрит лицо, тронутое тлением. Привет, добро пожаловать в Майами.

Когда об этом стало известно, копы и эксперты немало повеселились, но теплые товарищеские чувства не могли проникнуть в грудь Декстера. Мрачные шутки, обычно вызывающие у меня самый лучший поддельный смешок, теперь резали слух, как скрежет ногтей по грифельной доске, и я, лишь чудом сохраняя самоконтроль и молча закипая, пережил полтора часа

идиотского веселья, никого не поджарив. Но даже неприятнейшие испытания в конце концов заканчиваются. Поскольку тело слишком долго пробыло в воде, на нем не осталось никаких следов крови, поэтому моего профессионального заключения, в общем, не потребовалось, и я наконец вернулся за свой стол.

Остаток рабочего дня я провел за рутинной бумажной работой, рыча при виде папок, поставленных не на место, и впадая в ярость от ошибок в чужих рапортах. Что, грамматику уже успели отменить? Когда рабочий день подошел к концу, я выскочил за дверь и прыгнул в машину раньше, чем раздался последний удар часов.

Меня не тешила обычная жажда крови, свойственная водителям в вечерний час пик. Впервые я поймал себя на том, что сигналю, демонстрирую оттопыренный средний палец и злюсь на пробки вместе с остальными раздосадованными автовладельцами. Я никогда не сомневался, что окружен сплошными идиотами, но сегодня этот факт особенно действовал мне на нервы. Добравшись наконец до дома, я оказался совершенно не в настроении притворяться, будто рад видеть семью. Коди и Эстор резались в приставку, Рита купала Лили-Энн – все играли свои роли в бессмысленном, отупляющем спектакле; когда я шагнул за порог и обозрел чудовищный маразм, в который превратилась моя жизнь, что-то вдруг щелкнуло во мне. Но вместо того чтобы крушить мебель и размахивать кулаками, я швырнул ключи на стол и вышел через заднюю дверь.

Солнце только начинало заходить, но воздух оставался еще жарким и влажным. Сделав три шага во двор, я почувствовал, как покрываюсь капельками пота. Они казались прохладными, скатываясь по лицу, – это значило, что щеки пылают. Я горел нездешней яростью, полнился чувством, которое никогда раньше не завладевало мной. И спросил: что происходит в Мире Декстера? Конечно, я стоял на краю и ждал неизбежного конца света, но почему реакцией обязательно должен стать гнев, направленный на мою семью? Унылая тревожная трясина, в которой тонула моя душа, внезапно взорвалась фонтаном бешенства, это казалось чем-то новым и опасным, и я по-прежнему не понимал причин. Отчего маленькие и безвредные проявления человеческой глупости вызывали у меня огненную ярость?

Я пересек двор, поросший редкой побуревшей травой, и уселся за столик для пикника, исключительно потому, что я пришел сюда, а значит, следовало чем-то заняться. Сидение трудно назвать занятием, и мне отнюдь не полегчало. Я сжимал и разжимал кулаки, морщил и расслаблял лицо, потом снова втянул в себя горячий сырой воздух. И это тоже меня не успокоило.

Глупые, мелкие, бессмысленные разочарования, то есть само содержание жизни... но их количество достигло критической массы, и я начал разваливаться. Теперь, как никогда прежде, я должен сохранять ледяное спокойствие и полный самоконтроль, ведь кто-то меня видел. Даже сейчас он мог идти за мной по следу, подбираться все ближе и ближе, неся в себе Грозную Гибель, и мне предстояло благодаря логике заткнуть за пояс самого мистера Спока³ – иначе я совершу фатальную ошибку. А потому хотел бы я понять, что значит этот взрыв агрессии – окончательное разрушение тщательно сотканного красивого гобелена под названием «Декстер» или временная прореха? Я снова сделал глубокий вдох и закрыл глаза, чтобы слышать, как горячий воздух струится в легкие.

За спиной зазвучал мягкий, успокаивающий голос, который вещал: ответ есть, и он на самом деле очень прост, если хоть на секунду прислушаться к ясному, волнующему зову рассудка. Мое дыхание застыло в груди, превратившись в морозный синий туман; я открыл глаза, оглянулся и посмотрел в просвет между ветками, через верхний край соседской изгороди, на темный горизонт, где маячили эти вкрадчивые слова, словно провозглашенные огромной

³ Персонаж популярного фантастического сериала «Звездный путь».

желто-оранжевой счастливой луной, которая только что вознеслась над краем мира, скользнув на небо, похожая на толстого и веселого приятеля детских лет...

«Зачем ждать, пока Свидетель тебя найдет? – пробормотала она. – Почему бы не найти его первым?»

И это оказалось очаровательной, соблазнительной истиной, поскольку я хорошо умею делать две вещи – отслеживать добычу, а потом избавляться от останков. Так почему бы не поступить именно так? Почему бы не нанести упреждающий удар? Поднять информацию по округу Майами, найти список всех подержанных темных «хонд» с болтающимися задними габаритами и отследить их, одну за другой, пока я не разыщу нужную, после чего решить проблему раз и навсегда, сделав то, что удастся Декстеру лучше всего – чисто, просто и весело. Нет Свидетеля – нет угрозы, и мои проблемы растают, как кубики льда на горячем асфальте.

Подумав об этом и вновь вздохнув, я почувствовал, как тусклый алый туман отступает, кулаки разжимаются, а кровь отливает от лица. Холодный счастливый свет луны легонько коснулся меня, и из темных уголков крепости Декстера донеслось ласковое воркование. Внутренний голос соглашался, подбадривал и недвусмысленно намекал: «Да, да, это ведь так просто...»

И в самом деле. Нужно лишь провести некоторое время за компьютером, найти несколько фамилий, а потом выскользнуть в ночь и отправиться на небольшую прогулку, вооружившись маленьким набором безвредных инструментов – мотком изоляционной ленты, хорошим ножом и куском лески. Найти свою Тень, тихонько увести прочь и разделить с ней небольшие радости приятного летнего вечера. Что может быть естественнее и целебнее? Элементарное решение вопроса, беззаботное времяпрепровождение, способное развязать нелепые узлы. Больше никто не будет несправедливо угрожать тому, что мне дорого. По-моему, очень осмысленное решение, на всех уровнях. С какой стати позволять кому-то становиться на пути жизни, свободы и вивисекции?

Я опять вздохнул. Медленный, успокаивающий, соблазнительный, воркующий голос шептал на ухо, подсказывая простое решение, терся воображаемым пушистым боком о мои ноги и обещал полнейшее удовлетворение. Я посмотрел на небо. Одутловатая луна чарующе ухмыльнулась, словно приглашая на танец и одновременно гарантируя вечное сожаление, если у меня достанет глупости отказаться. «Все будет хорошо», – запела она под восхитительную смесь аккордов. «И даже еще лучше». Достаточно только оставаться самим собой.

Я хотел простого решения – и вот оно. Найди и нарежь, положи конец своим мучениям. Я посмотрел на луну, и она ласково глянула в ответ, улыбаясь любимому ученику, который наконец решил трудную задачу и увидел свет.

– Спасибо, – сказал я. Луна не ответила, а только опять хитро подмигнула. Я еще раз втянул в себя холодный воздух, встал и вернулся в дом.

Глава 3

На следующее утро я проснулся, чувствуя себя гораздо лучше, чем в предыдущие дни. Решение самому сделать первый ход высвободило нежеланный гнев, подавляемый до сих пор, и я выскочил из постели с улыбкой на губах и песней в душе. Конечно, я не стал бы петь ее Лили-Энн, так как слова грубоваты, зато они радовали меня. Почему бы и нет? Я не буду больше ждать, когда случится нечто плохое; я намерен действовать и сделаю так, чтобы оно произошло поскорее, а главное, не со мной, а с кем-то другим. Это гораздо лучше, я превращусь из жертвы в охотника, а поскольку именно таков мой жребий в жизни, я просто обязан был обрадоваться. Я торопливо закончил завтракать и отправился на работу пораньше, желая поскорее заняться поисками.

Лаборатория пустовала, когда я приехал. Сев за компьютер, я запросил базу данных транспортной инспекции. По пути на работу я придумал, каким образом вести поиски загадочной «хонды», поэтому теперь не имело смысла ломать голову и нервничать. Я составил список «хонд» более чем восьмилетней давности выпуска и рассортировал их по возрасту и месту жительства владельцев, почти не сомневаясь, что моему Свидетелю меньше пятидесяти, а потому вычеркнул всех, кто старше. Затем взял следующий признак – цвет. Я мог с уверенностью сказать лишь одно: «хонда» была темная, – быстрого взгляда на стремительно удаляющийся автомобиль недостаточно, чтобы разглядеть в подробностях цвет. В любом случае возраст, солнечный свет и соленый воздух Майами оказали свое действие на машину, поэтому скорее всего я не сумел бы определить, какого она цвета, даже если бы рассматривал под микроскопом.

Но я знал: машина темная, а потому отметил подходящие «хонды» с первого же захода и отбросил остальные. Затем, произведя финальную сортировку, вычеркнул из списка все авто, зарегистрированные по адресам, находящимся дальше чем в пяти милях от дома, где меня застукали. Я предположил, что мой Свидетель живет где-то поблизости, в Южном Майами. Иначе почему он оказался именно там, а не в Коралл-Кейблс или Саут-Бич? Это была лишь догадка, но, на мой взгляд, правильная, и из списка немедленно ушли две трети претендентов. Оставалось только взглянуть на каждую машину. Если я найду «хонду» с болтающимся задним габаритом и большим ржавым «родимым пятном» на багажнике – считай, Свидетель у меня в руках.

Когда в лаборатории появились коллеги, я уже составил список из сорока трех старых темных «хонд», принадлежащих владельцам моложе пятидесяти. Я слегка смутился – работы предстояло по горло и выше. Но по крайней мере это была моя работа и на моих условиях, и я, бесспорно, управлюсь быстро и эффективно. Я убрал список в запароленный файл под названием «Хонда» – оно звучало достаточно невинно – и отправил самому себе на электронную почту, чтобы открыть на ноутбуке по возвращении домой и немедленно взяться за дело.

Словно в доказательство верно выбранного направления, едва я отправил письмо и открыл на рабочем столе домашнюю страницу, вошел Винс Мацуока с белой картонной коробкой, в которой могла находиться только какая-нибудь выпечка.

– А, Юноша, – произнес он, показывая мне коробку, – я принес тебе загадку: что является воплощенной сутью, но при этом мимолетно, как ветер?

– Все живое, Наставник, – ответил я. – А также то, что лежит в твоей коробке.

Он лучезарно улыбнулся и откинул крышку.

– Цепляй пирожок, Кузнечик, – сказал он. Я так и сделал.

Следующие несколько дней после работы я медленно и осторожно проверял людей по списку. Я начал с тех, кто жил ближе к моему дому, так как к ним мог наведаться пешком. Сказав Рите о необходимости держать себя в форме, я начал бегать трусцой по району, все

расширяя круги, – Самый Обычный Человек, который вышел на вечернюю пробежку, этакое беззаботное существо. По правде говоря, я очень надеялся и впрямь вернуться к беспечному существованию. Простое решение – первому сделать ход – положило конец нервотрепке, охладило пылающую грудь и разгладило нахмуренное чело. Охотничий трепет возвратил моей походке упругость, а на лице вновь появилась светлая фальшивая улыбка. Я вернулся на стезю Нормальной Жизни.

Разумеется, жизнь сотрудника следственной лаборатории в Майами не всегда совпадает с общепринятыми представлениями о норме. Бывают долгие дни, заполненные трупами, причем некоторые из них принадлежат людям, убитым разными жуткими способами. Никогда не перестаю удивляться бесконечной изобретательности представителей рода человеческого в том, что касается нанесения ближним смертельных ран. Однажды вечером, почти две недели спустя после Дня святого Валентина, стоя под дождем на обочине шоссе I-95 в час пик, я вновь удивился этой умопомрачительной креативности, поскольку раньше не видел ничего подобного тому, что сделали с детективом Марти Клейном. На свой невинный лад я радовался, поскольку в смерти Клейна оказалось нечто новенькое и достойное запоминания, раз уж Декстер Вымок Весь.

Было темно, я стоял под дождем в толпе и, моргая, смотрел на освещенное шоссе и на собравшиеся кучкой патрульные машины. Я промок и проголодался, холодная вода капала с носа, с ушей, с рук, закатывалась за воротник бесполезной нейлоновой ветровки, за пояс брюк, впитывалась в носки. Декстер совсем отсырел. Но он находился при исполнении, а потому должен был стоять, ждать и терпеть бесконечную болтовню полицейских: в распоряжении копов все время мира, и они вольны перечислять бессмысленные подробности десятки раз, так как их заботливо снабжают ярко-желтыми дождевиками. А Декстер, в общем, не полицейский. Декстер работает в лаборатории, и таким, как он, не выдают ярко-желтых дождевиков. Они вынуждены обходиться тем, что засунули в багажник машины. Неуклюжая нейлоновая куртка не могла защитить даже от соседского чиха, не говоря уже о тропическом ливне.

И вот я торчу под дождем и пропитываюсь холодной водой, как губка в человеческом обличье, пока офицер Грубб в очередной раз рассказывает офицеру Глуппсу, как на его глазах «форд-кроун» выехал на обочину, и перечисляет все стандартные процедуры, словно зачитывая с листа.

Но хуже утомления, хуже холода, проникающего до костей, буквально в самую середину тела, является необходимость не просто стоять, истекая дождевой водой, но и сохранять на лице выражение испуга и тревоги. Это выражение в принципе дается нелегко, а сегодня у меня вдобавок недостает энергии, поскольку я поглощен собственными мучениями. Каждые две минуты я ловлю себя на том, что нужная маска соскальзывает, сменяясь куда более естественной миной человека, который промок, злится и испытывает нетерпение. Однако я борюсь с ней, придавая лицу подобающий вид, и исправно несу свою службу этим мокрым, темным, бесконечным вечером. Поскольку, несмотря на мрачное настроение, нужно все сделать правильно. Перед нами – не какая-нибудь обезглавленная дамочка, которую темпераментный муж застукал на акте супружеской неверности. Мертвец в «форд-кроуне» – один из нас, член братства полицейских Майами. По крайней мере по тому, что можно рассмотреть, если бросить взгляд сквозь стекла машины на бесформенное пятно внутри.

Оно бесформенное не потому, что его трудно разглядеть через окно – к сожалению, нам хорошо все видно, – и не потому, что оно лежит, расслабившись и уютно свернувшись клубочком с хорошей книжкой, о нет. Оно бесформенное, так как Клейна, судя по всему, били молотком, пока не лишили человеческого облика, медленно и тщательно, превратив в грудудраздробленных костей и разможенной плоти, которая даже в отдаленной степени не имеет ничего общего с человеком, не говоря уж о представителе закона.

Конечно, это просто ужасно, но еще ужаснее то, что так поступили с копом, хранителем порядка, с человеком, у которого есть значок и пистолет и чья единственная цель в жизни – следить, чтобы подобное не случилось ни с кем. Изуродовать копа подобным образом, медленно и старательно, – значит бросить страшный вызов нашему высокоорганизованному сообществу и нанести смертельное оскорбление каждому кирпичику в тонкой синей стене. Все мы в ярости или по крайней мере идеально притворяемся, поскольку прежде ни один из нас не видел подобной смерти, и даже я не могу представить, кто бы мог это сотворить.

Кто-то или что-то потратило значительное количество времени и сил, чтобы превратить детектива Марти Клейна в желе, а главное (и это свыше всякой меры выводит из себя), мы обрели труп в конце длинного рабочего дня, когда ужин уже ждет на столе. Никакое наказание не станет чрезмерно суровым для зверя, учинившего подобное, и я искренне надеюсь, что страшное возмездие последует сразу после ужина и десерта, за чашечкой черного кофе. Возможно, с парочкой бискотти.

Впрочем, что толку; в животе урчит, и у Декстера текут слюнки, при воспоминании о возвышенных радостях блюд, приготовленных Ритой, которые, возможно, ждут его дома. В результате он расслабляет лицевые мышцы и перестает сохранять требуемое выражение. Кто-нибудь непременно заметит и задумается: почему чудовищно изуродованное тело детектива Клейна вызывает у Декстера усиленное слюноотделение? Поэтому, огромным усилием железной воли, я вновь надеваю маску и жду, мрачно разглядывая лужу дождевой воды, собирающейся вокруг промокших ботинок.

– Господи... – произносит Винс Мацуока, возникая рядом. Он вытягивает шею, чтобы заглянуть в салон машины через плечи полицейских. На нем армейский плащ. Винс, похоже, сух и доволен, поэтому хочется пнуть его еще прежде, чем он успевает заговорить. – Поверить не могу.

– В общем, да, – согласился я, удивляясь железному самообладанию, помешавшему мне наброситься на этого счастливого обладателя капюшона.

– Вот чего нам не доставало, – продолжил Винс. – Маньяка с молотком и острой нелюбовью к копам. Господи Иисусе!

Я бы не стал поминать имя Господне в подобном разговоре, но, разумеется, и сам думал о том же, пока стоял здесь, превращаясь в часть водоносного пласта Флориды. Мы не раз видели избитых до смерти, но еще никогда не приходилось иметь дело с избиением, выполненным с такой жестокостью, с таким тщанием, с такой маниакальной целеустремленностью. В криминальных анналах Майами появилось нечто уникальное, беспрецедентное, с иголки новенькое, прежде не слыханное... до сегодняшнего дня, когда в час пик на обочине шоссе I-95 нашли машину детектива Клейна. Но я не собирался поощрять Винса к дальнейшим рассуждениям, столь же глупым, сколь и самоочевидным. Способность к остроумной беседе вымыло из меня непрерывным потоком дождевых струй, которые пропитали одежду сквозь дурацкую ветровку, поэтому я просто посмотрел на Винса и вновь сосредоточился на поддержании торжественно-мрачного выражения лица. Нахмурить лоб, опустить уголки рта...

Рядом с патрульными машинами, выстроившимися на обочине, остановилась еще одна, и из нее вышла Дебора.

Или, формально выражаясь, сержант Дебора Морган, моя сестра и свеженазначенный ведущий следователь в этом ужасном деле. Копы мельком посмотрели на Деб, один из них вторично окинул ее взглядом и толкнул соседа локтем. Они отошли в сторонку, когда она приблизилась к машине, чтобы заглянуть в салон. По пути Дебора натянула желтый дождевик, отчего не сделалась милее в моих глазах, но мы с ней, в конце концов, родня, поэтому я кивнул, когда она проходила мимо, и Деб ответила тем же. Первая же ее фраза, казалось, была тщательно подобрана, чтобы выразить не только отношение к происходящему, но и дать яркое представление о характере.

– Твою мать.

Дебора отвела взгляд от пятна в машине и повернулась ко мне.

– Ты уже что-нибудь выяснил? – спросила она.

Я покачал головой, и за шиворот обрушился настоящий водопад.

– Мы ждали тебя, – ответил я. – Под дождем.

– Мне нужно было найти няню, – заметила Деб и неодобрительно кивнула. – Ты зря не надел плащ.

– Да, очень жаль, я об этом не подумал, – вежливо отозвался я, и сестра вновь принялась разглядывать останки Марти Клейна.

– Кто его нашел? – поинтересовалась она, не отрываясь от стекла «форда».

Один из патрульных, коренастый афроамериканец с усами Фу Манчу⁴, кашлянул и шагнул вперед.

– Я.

Дебора посмотрела на него.

– Кокрейн, если не ошибаюсь? Он кивнул:

– Да.

– Рассказывайте.

– Я был на дежурстве, – начал Кокрейн, – и заметил данное транспортное средство на его теперешнем месте нахождения, на обочине шоссе I-95, видимо, брошенное. Опознав его как патрульное транспортное средство, я припарковался рядом, проверил номер и получил подтверждение, что это действительно транспортное средство, записанное за детективом Мартином Клейном. Я покинул салон и подошел к транспортному средству... – Кокрейн на мгновение замолчал, явно смущенный тем, как часто он вворачивал выражение «транспортное средство». Потом кашлянул и продолжил: – Подойдя на достаточное расстояние, чтобы установить зрительное наблюдение, я заглянул в салон транспортного средства детектива Клейна и... Э...

Кокрейн замолчал, словно засомневался, какое слово употребить в своем рапорте, однако стоявший рядом коп фыркнул и подсказал:

– ...и его скрючило. Весь обед к черту.

Кокрейн сердито взглянул на коллегу, и, возможно, последовал бы обмен резкостями, если бы Дебора не призвала обоих к порядку.

– И все? – спросила она. – Вы заглянули внутрь, блеванули и вызвали подмогу?

– Пришел, увидел, блеванул, – негромко произнес рядом со мной Винс Мацуока, но, к счастью для его здоровья, Дебора не услышала.

– Да, – подтвердил Кокрейн.

– Больше ничего вы не видели? – продолжила Деб. – Никакого подозрительного транспортного средства поблизости? Ничего такого?

Кокрейн хлопнул глазами, явно борясь с желанием дать тумака приятелю.

– Посмотрите, что творится, – сказал он с ноткой раздражения. – Какое может быть подозрительное транспортное средство в час пик?

– Если мне приходится об этом напоминать, – заметила Деб, – то, наверное, вам лучше следить за чистотой газонов, а не работать полицейским.

Винс тихонько сказал: «Бум», – и стоявший рядом с Кокрейном патрульный издал сдавленный звук, точно пытался сдержать смех.

Но Кокрейн почему-то не счел это таким уж забавным и снова кашлянул.

⁴ Криминальный гений, герой романов английского писателя Сакса Ромера.

– Слушайте, – сказал он. – Мимо едет десять тысяч машин, и все притормаживают, чтобы посмотреть. Вдобавок идет дождь, и ничего не видно. Скажите мне, что искать, и я начну, договорились?

Деб уставилась на него без всякого выражения.

– Уже слишком поздно, – ответила она, отвернувшись и снова посмотрела на бесформенное пятно в салоне «форда», а потом позвала через плечо: – Декстер!

Наверное, надо было предвидеть, что так и случится. Сестра считает, будто я способен каким-то мистическим образом постичь произошедшее на месте преступления. Она уверена: я мгновенно узнаю все про чокнутого маньяка, с которым мы столкнулись, стоит только быстренько взглянуть на его работу. Поскольку я сам – чокнутый маньяк. Каждый раз, когда Дебора сталкивается с очередным чудовищным убийством, она надеется, что я сразу назову имя, адрес и номер страховки преступника. Частенько я оправдывал ее ожидания, прислушиваясь к негромкому голосу Темного Пассажира, а также благодаря хорошему владению своим ремеслом. Но на сей раз ничего сказать не мог.

Я неохотно пошлепал по лужам и встал рядом с Деборой. Ненавижу разочаровывать сестру, но мне действительно нечем было ее порадовать. Мы столкнулись с жутким, жестоким и неприятным убийством, и даже Темный Пассажир неодобрительно поджал мягкие губы.

– Что скажешь? – спросила Дебора, понизив голос и таким образом поощряя меня к откровенности.

– Ну... тот, кто это сделал, – несомненно, псих.

Она посмотрела на меня, ожидая большего, а когда стало ясно, что продолжения не будет, покачала головой:

– Ну ни хрена себе! Ты сам до этого додумался?

– Да, – ответил я, страшно раздосадованный. – И заметь, после одного-единственного взгляда через стекло под дождем. Перестань, Деб, мы еще даже не уверены, Клейн ли это.

Дебора посмотрела в салон.

– Это он.

Я стер со лба небольшой приток Миссисипи и тоже заглянул внутрь. Я не поручился бы, что лежавшая внутри грудa некогда была человеком, но моя сестра, кажется, не сомневалась: это бесформенное месиво – детектив Клейн. Я пожал плечами, и, разумеется, за шиворот мне опять полилась вода.

– Откуда ты знаешь?

Она указала на одну из оконечностей месива.

– Лысина, – сказала Деб. – Лысина Марти.

Я снова посмотрел в салон. Труп лежал поперек сиденья, как остывший пудинг, аккуратно уложенный и совершенно нетронутый, без наружных повреждений. Кожа нигде не лопнула, крови я не видел, но тем не менее в теле Клейна не осталось ни единой целой косточки. Верхушка черепа, возможно, оказалась единственным местом, по которому не нанесли удара – видимо, чтобы жизнь жертвы не оборвалась слишком быстро. Ярко-розовая плешь с бахромой сальных волос действительно напоминала лысину Клейна. Не стал бы утверждать под присягой, что это Марти, но я ведь и не настоящий детектив в отличие от Деборы.

– Это ваши женские штучки? – спросил я – признаться, только потому, что промок, проголодался и был зол. – Ты умеешь идентифицировать людей по волосам?

Сестра посмотрела на меня, и на одно пугающее мгновение я решил, что зашел слишком далеко и сейчас она с привычной жестокостью врежет мне по бицепсу. Но вместо атаки Дебора окинула взглядом остальных экспертов, указала на машину и велела:

– Открывайте.

Я стоял под дождем и наблюдал за ними. Все содрогнулись, когда дверца открылась. Внутри лежал мертвый коп, один из нас, его жестоко забили молотком, и присутствующие вос-

приняли это как личное оскорбление. А самое неприятное – мы не сомневались, что случившееся повторится с кем-нибудь еще. Однажды, совсем скоро, очередное чудовищное избиение выхватит из нашей маленькой компании еще одного, и мы не узнаем, кого и когда, пока преступление не совершится...

Луна была ущербной, и для Декстера наступило смутное время. Ужас охватил всех копов Майами; Декстер стоял под дождем, и, несмотря на жуткую тревогу, в голове у него крутилась лишь одна темная мысль: «Я опоздал к ужину».

Глава 4

Я закончил только в половине одиннадцатого и чувствовал себя так, словно провел последние четыре часа под водой. И все же мне не хотелось отправляться домой, не вычеркнув несколько имен из списка. Поэтому я осторожно наведалься по двум самым дальним адресам, которые пришлось более или менее по пути. Первая машина стояла прямо перед домом, и багажник у нее оказался без единого пятнышка, поэтому я спокойно прокатил мимо.

Вторую машину загнали под навес, в тень, и я не мог разглядеть багажник. Притормозив и заехав на дорожку, я сделал вид, будто заблудился, и начал разворачиваться. На багажнике «хонды» действительно что-то было, но тут мои фары осветили машину, и невероятно толстый кот немедленно удрал в темноту. Я развернулся и поехал обратно.

В половине двенадцатого я припарковался перед домом. Над входной дверью горел фонарь. Я вылез из машины и встал за пределами маленького пятна света, который он отбрасывал. Дождь наконец прекратился, но на небе еще висели низкие темные облака, и я вспомнил ту ночь, почти две недели назад, ночь, когда меня застукали. Во мне проснулось эхо тревоги. Я посмотрел на облака, но они, казалось, не испытывали страха. «Ты промок, – хихикали они, – и стоишь здесь как дурак, и все тело у тебя в мурашках».

Решив, что они правы, я запер машину и вошел в дом.

Там царила относительная тишина, поскольку следующий день был будним. Коди и Эстор спали, по телевизору тихонько шли вечерние новости. Рита дремала на кушетке с Лили-Энн на коленях. Она не проснулась, когда я вошел, но Лили-Энн устремила на меня яркие, широко раскрытые глаза.

– Па, – произнесла она. – Па-па-па.

Она немедленно меня узнала, моя умница. Посмотрев на ее счастливое личико, я почувствовал, как несколько туч в душе растаяло.

– Крошка Лили, – сказал я с подобающей случаю серьезностью, и она засмеялась.

– О! – Рита вздрогнула, проснулась и захлопала глазами. – Декстер... ты дома? В смысле... ты так поздно.

Опять.

– Прости, – сказал я. – Работа.

Рита долго смотрела на меня, моргая, а потом покачала головой.

– Ты весь промок, – заметила она.

– Шел дождь.

Она снова похлопала глазами.

– Дождь прекратился час назад.

Я не понял, почему это так важно, но голова у меня набита вежливыми банальностями, поэтому я ответил:

– Ну видишь, вот и доказательство.

Рита снова посмотрела задумчиво, и мне стало слегка неловко. Но наконец она вздохнула и покачала головой.

– Ладно, – сказала она. – Ты, наверное, очень... А.

Твой ужин. Он уже... Ты голоден?

– Просто умираю.

– С тебя течет на пол, – заметила Рита. – Лучше переоденься во что-нибудь сухое. Если ты простудишься... – Она помахала рукой. – О, Лили-Энн проснулась.

Она улыбнулась малютке той самой материнской улыбкой, которую тщился передать Леонардо да Винчи.

– Я пойду переоденусь, – сказал я и отправился в ванную, где снял и сложил в корзину мокрую одежду, вытерся и натянул сухую пижаму.

Когда я вернулся, Рита что-то напевала, а Лили-Энн гулила. Я не хотел им мешать, но у меня возникли кое-какие важные соображения.

– Ты сказала, ужин готов? – напомнил я.

– Ужин... я надеюсь, он не совсем пересох, потому что... он в кастрюльке, и... я только разогрею, на, поддержи. – Она вспрыгнула с кушетки и сунула мне Лили-Энн. Я поспешно подошел и взял девочку на тот случай, если я ослышался и Рита собиралась разогреть Лили-Энн в микроволновке. Рита уже унеслась на кухню, а мы с дочкой сели на кушетку.

Я посмотрел на нее. Лили-Энн, маленькая и ясноглазая. Вход в новооткрытый мир эмоций и нормальной жизни. Чудо, которое сделало Декстера наполовину человеком, исключительно благодаря чудесному розовому факту своего существования. Лили-Энн научила меня чувствовать, и, сидя с дочерью на руках, я видел те пушистые лучезарные образы, которые посещают всякого простого смертного. Лили-Энн скоро должен исполниться год, и я уже не сомневался, она – необыкновенный ребенок.

– Ты знаешь, как пишется слово «гипербола»? – спросил я у нее.

– Па, – радостно отозвалась она.

– Прекрасно, – сказал я, и тут она протянула руку и ухватила за мой нос, доказывая, что слово «гипербола» слишком легкое для такого высокоинтеллектуального существа. Лили-Энн хлопнула меня ладошкой по лбу и несколько раз подскочила – это была вежливая просьба устроить ей что-нибудь поинтереснее, возможно, с хорошим саундтреком и танцами. Я повиновался.

Через несколько минут мы с Лили-Энн перестали подскакивать в такт двум строчкам «Танцующего лягушонка» и уже разрабатывали последние детали единой физической теории, когда в комнату примчалась Рита с благоуханной дымящейся тарелкой в руках.

– Свиная отбивная, – объявила она. – По-датски. В духовке, с грибами. Только грибы в магазине оказались не очень... Поэтому я порезала туда помидоры и каперсы. Коди, конечно, не понравилось... о! я совсем забыла. – Рита поставила тарелку на кофейный столик передо мной. – Прости, если рис слишком... дантист тебе уже сказал? Эстор нужно поставить скобки на зубы, и она просто... – Рита помахала рукой в воздухе, уже собираясь сесть. – Она сказала, что скорее... черт, я забыла вилку, погоди секунду. – И она снова убежала.

Лили-Энн понаблюдала за матерью и снова повернулась ко мне. Я покачал головой.

– Она всегда так говорит, – предупредил я. – Ты привыкнешь.

Лили-Энн, казалось, слегка засомневалась.

– Па-па-па, – сообщила она.

Я поцеловал ее в макушку. От нее чудесно пахло – детским шампунем и каким-то опьяняющим феромоном, который дети втирают в волосы.

– Ты, наверное, права, – согласился я, и тут Рита вернулась с вилкой и салфеткой. Она взяла у меня Лили-Энн и уселась рядом, чтобы продолжить сагу про Эстор и дантиста.

– Я ей объяснила, что это только на год, и многие девочки... Но она... Она рассказывала тебе про Энтони?

– Про придурка Энтони? – уточнил я.

– О! Он на самом деле не совсем... то есть Эстор так говорит, и напрасно. Но у девочек все по-другому, а Эстор в таком возрасте... свинина не слишком пересушена? – Рита подозрительно глянула в мою тарелку.

– Просто супер.

– Она все-таки пересушена, прости. Так вот, я подумала, если ты с ней поговоришь... – закончила Рита. Я искренне надеялся, что она имела в виду Эстор, а не свиную отбивную.

– И что я должен ей сказать? – спросил я с полным ртом очень вкусной, хотя и слегка пересушенной свинины.

– Что это нормально, – ответила Рита.

– Что именно? Скобки на зубах?

– Да, конечно. А о чем, по-твоему, сейчас шла речь?

Честно говоря, я далеко не всегда бываю уверен, о чем у нас идет речь, так как Рита обычно умудряется говорить одновременно о трех предметах. Возможно, это из-за работы. Хотя я и прожил с Ритой несколько лет, но знаю лишь, что на работе она жонглирует большими числами, переводя их в разные иностранные валюты и посылая результаты на местный рынок недвижимости. Одна из невероятных загадок жизни: женщина, достаточно умная, чтобы производить сложные вычисления, оказывается редкостно глупа, когда дело касается мужчин. Сначала Рита вышла за наркомана, который бил ее, а заодно Коди и Эстор, и наконец натворил достаточно неприятных и незаконных дел, чтобы попасть за решетку. И тогда Рита, освободившись от многолетнего кошмара – брака с наркоманом, радостно бросилась в объятия еще худшего чудовища – Декстера.

Разумеется, она не знала, что я собой представляю, да и я не стремился ее просветить. Я изо всех сил старался держать жену в блаженном неведении касательно своей подлинной сути – Темного Декстера, веселого вивисектора, живущего ради того, чтобы слышать шорох скотча, видеть блеск ножа и чують запах страха, исходящий от очередного достойного кандидата, который заслужил билет на Темную Игровую Площадку Декстерленда, убив невинного и каким-то чудом проскользнув меж пальцев правосудия.

Рита никогда не узнает мою истинную суть. И Лили-Энн тоже. Времяпрепровождение с новыми друзьями вроде Валентайна проходило втайне – по крайней мере до злополучного инцидента со Свидетелем. На мгновение я задумался о нем и об оставшихся в списке именах. Один из этих людей – именно тот, кто мне нужен, иначе и быть не может, и когда он будет в моих руках... Я уже буквально чувствовал приятное возбуждение, которое испытаю, когда схвачу и свяжу его, уже слышал сдавленные вопли боли и страха...

Мысленно забравшись в дебри своего маленького хобби, я совершал страшное преступление – я жевал свиную отбивную, не чувствуя вкуса. Но, к счастью для вкусовых сосочков, представляя, как Свидетель рвется из пут, я откусил еще кусок свинины и немедленно покинул царство приятных грез, вновь оказавшись за семейным столом. Я отправил в рот остатки риса и подцепил на вилку каперс, и тут Рита сказала:

– Страховка не покроет дантиста, так что... но у меня в этом году будет премия, и скобки очень... и потом, Эстор почти не улыбается. Но может быть, если зубы у нее... – Она вдруг замолчала, помахала рукой и поморщилась. – Лили-Энн! Тебе нужно поменять подгузник.

Рита встала и понесла ребенка по коридору туда, где стоял пеленальный столик, а вокруг распространился запах отнюдь не свиной отбивной. Я отодвинул пустую тарелку и со вздохом откинулся на спинку кушетки. Декстер Переваривает Пищу.

По какой-то странной и неприятной причине, вместо того чтобы отвлечься от забот минувшего дня и погрузиться в туман сытого довольства, я снова задумался о работе – о Марти Клейне и о кошмарном месиве, в которое превратилось его тело. Я не очень близко знал Клейна и к тому же не способен к каким-либо эмоциональным привязанностям, даже к той грубовато-мужественной фамиллярности, столь популярной у нас на работе. И мертвые тела меня не пугают; тем более я сам периодически производжу их. Рассматривать и трогать трупы – часть моей работы. Мертвый коп пугает меня не больше, чем мертвый адвокат, хотя я бы предпочел, чтобы мои коллеги об этом не знали. Но труп в таком виде... полностью лишенный человеческого облика... нечто совсем иное, почти сверхъестественное.

Убийство, жертвой которого стал Клейн, было совершено с яростью, которая выдает безумца, сомневаться не приходилось, но процесс провели настолько тщательно, и он навер-

няка занял столько времени, что это уже вышло за рамки привычного, уютного смертоубийственного безумия и очень смутило меня. Потребовались значительная сила и выдержка, а главное – ледяное самообладание, чтобы не зайти слишком далеко во время оргии и не причинить смерть слишком быстро, пока еще есть целые косточки.

Почему-то я был почти уверен, это – не простой и относительно безвредный единичный эпизод, герой которого слетел с тормозов и на несколько часов пустился во все тяжкие. Случившееся походило на определенный шаблон, на способ существования, на перманентное состояние. Безумная сила и ярость в сочетании с патологической способностью контролировать себя... я даже представить не мог, какого рода существо на это способно. И, честно говоря, не желал знать. Но опять-таки меня не отпускало ощущение, что в ближайшем будущем мы обнаружим еще несколько размозженных копов.

– Декстер, – негромко позвала Рита из спальни, – ты идешь спать?

Я посмотрел на часы у телевизора. Почти полночь. Одного взгляда на цифры хватило, чтобы понять, как я устал.

– Иду, – сказал я, встал с кушетки и потянулся, ощущая приятную истомику. Действительно уже пора было спать, и я решил, что подумаю о Марти Клейне и его ужасной смерти завтра. Пусть зло распределяется во времени равномерно. По крайней мере в хорошие дни бывает именно так. Я отнес тарелку в раковину и пошел спать.

Пребывая в тусклом шерстяном мире сна, я почувствовал, как некое отвратительное ощущение пробирается мне в голову. Словно в ответ на невнятный, но неотложный вопрос, я услышал оглушительный рев – и проснулся. От громкого чиха у меня потекло из носа.

– О Господи, – сказала Рита, садясь. – Ну вот, ты простудился, потому что... я знала, что так и будет... возьми платок.

– Спасибо. – Я сел, взял салфетку, вытер нос и снова чихнул, на сей раз в салфетку, и она разорвалась в моей руке. – Тьфу, – просипел я, испачкав пальцы соплями.

Кости тупо ломило.

– Ради Бога... вот, возьми еще. – Рита подала салфетки. – И иди вымой руки, потому что... посмотри на часы, уже и так пора вставать.

Прежде чем я успел вытереть нос новой салфеткой, Рита вскочила, предоставив мне оставаться в постели, сопливиться и размышлять над злой судьбой, обрушившейся именно на меня, ни в чем не повинного бедолагу. Голова болела и словно оказалась набита мокрым песком, который сыпался через нос на руку, а в довершение всего предстояло пойти на работу, хотя я смутно представлял себе, каким образом я смогу это сделать, поскольку в мыслях плавал сплошной туман.

Но что у Декстера хорошо получается – так это быстро запоминать модели поведения и воспроизводить их. Я прожил всю жизнь среди человеческих существ, которые думают, чувствуют и поступают совершенно непостижимым для меня образом. Мое выживание зависит от того, сумею ли я безупречно симитировать то, что делают они. К счастью, девяносто девять процентов событий в человеческой жизни – всего лишь повторение одних и тех же действий, произнесение привычных избитых клише, выделяние знакомых фигур танца, который ты исполнял, как зомби, вчера, позавчера и позапозавчера. До ужаса глупо и нелепо, но в то же время исполнено несомненного смысла. В конце концов, если каждый день следовать шаблону, то не нужно думать. По-моему, это к лучшему, поскольку людям обычно не даются мыслительные процессы сложнее жевания.

Поэтому я еще в детстве привык наблюдать, как люди выполняют два-три базовых ритуала, а потом безупречно имитировать те же самые действия. И сегодня утром этот талант меня выручил, поскольку, когда я выкарабкался из постели и побрел в ванную, в моей голове не было ничего, кроме слизи. Но если бы я не вызубрил наизусть, что надлежит делать каждое

утро, мне, наверное, не удалось бы справиться. Тупая боль сильнейшей простуды проникла во все кости и совершенно вытеснила из мозга способность думать.

Однако оставалась привычная схема действий, которые следовало делать поутру. Принять душ, побриться, почистить зубы, сесть за кухонный стол, где уже ожидала чашка кофе. Пока я пил его, чувствуя, как разгорается маленькая искорка жизни, Рита поставила передо мной тарелку с яичницей. Возможно, не без помощи кофе я вспомнил, как нужно с ней поступить, и неплохо справился. Когда я закончил, Рита достала две таблетки.

– Выпей, тебе будет намного лучше, когда они начнут... ох, посмотри на часы. Коди, Эстор, вы опоздаете!

Она долила мне кофе и заспешила по коридору. Я услышал, как она вытаскивает из постелей двух детей, которые не имели к тому никакого желания. Через минуту Коди и Эстор уселись за стол и получили свои порции. Коди автоматически принялся за еду, но Эстор уронила голову на руку и с отвращением уставилась на яичницу.

– Похоже на сопли, – констатировала она. – Я буду хлопья.

Капризы тоже входили в утренний ритуал. Эстор не желала есть все, что предлагала ей Рита. И мне показалось это до странности приятным, поскольку я знал, что произойдет дальше: Рита и дети отыграют по ежедневному сценарию, а я дождусь, когда таблетки окажут действие и вернут мне способность самостоятельно мыслить. До тех же пор не о чем беспокоиться. Ничего не нужно делать, только следовать схеме.

Глава 5

Шаблон оправдал себя и на работе. Тот же самый дежурный, сидевший за столом, кивнул, увидев мой пропуск; те же люди толпились в лифте, пока я ехал на второй этаж. И ожидавшая меня кофеварка, вероятнее всего, была той подлой машинкой, которая стояла здесь с начала времен. Почти успокоившись, из благодарности я даже попытался выпить кофе и при глотке привычно сделал испуганную гримасу. Ах, умиротворение скучной рутины.

Но, отвернувшись от кофеварки, вместо предполагаемого пустого пространства я обнаружил на своем пути посторонний объект так близко, что пришлось резко затормозить, и, разумеется, ядовитая жидкость из кружки забрызгала мне рубашку.

– Блин, – произнес посторонний объект, и я оторвал взгляд от дымящихся останков своей рубашки. Передо мной стояла Камилла Фигг, моя коллега по отделу. Этой коренастой, довольно заурядной и молчаливой даме было за тридцать, и сейчас она мучительно краснела – как всегда, когда мы виделись.

– Камилла!.. – сказал я, причем довольно любезно, учитывая тот факт, что, возможно, из-за нее моей относительно новой рубашке предстояло рассыпаться на волокна. Так или иначе, Камилла сделалась еще краснее.

– Прости, пожалуйста! – поспешно выпалила она и огляделась по сторонам, точно искала пути к бегству.

– Все в порядке, – заверил я, хотя, конечно, покривил душой. – Этот кофе безопаснее носить, чем пить.

– Я не... ну, ты понимаешь... это самое, – стала оправдываться Камилла и вскинула руку, желая то ли вернуть свои слова обратно, то ли стереть кофе с моей рубашки. В результате она просто потрясла рукой в воздухе и опустила голову. – Прости, – повторила она, нырнула в коридор и скрылась за углом.

Я тупо заморгал ей вслед. Нечто непривычное нарушило шаблон, и я понятия не имел, что это значит и как поступить. Но, поразмыслив несколько секунд, я просто отмахнулся от проблемы. Я простыл, а потому не обязан был искать смысл в необычном поведении Камиллы. Если я сказал или сделал что-нибудь странное, то вполне мог оправдаться воздействием таблеток. Я поставил кружку и пошел в туалет, в попытке спасти хотя бы несколько лоскутков рубашки.

Несколько минут оттирая кофе холодной водой, я так и не избавился от пятна. Бумажное полотенце распадалось на лохмотья, оставляя десятки маленьких мокрых катышков, но не производя никакого эффекта. Этот кофе – удивительная штука; вероятно, он частично состоит из краски, и тогда понятно, почему у него такой вкус. Наконец я сдался и по мере сил попытался высушить дело рук своих, после чего вышел из туалета в полусырой рубашке с пятном и зашагал в лабораторию, надеясь на профессиональное сочувствие Винса Мацуоки. Он с большой любовью и знанием дела относился к одежде. Но вместо утешения и совета касательно удаления пятен я обрел в лаборатории, притом в избытке, свою сестру Дебору, слонявшуюся за Винсом по пятам и, судя по всему, угрожавшую ему, пока он возился с содержимым маленького пакетика с уликами.

Прислонившись к стене, в углу стоял какой-то незнакомый тип, лет тридцати пяти, темноволосяй, среднего сложения. Никто не пожелал его представить, и никакого оружия у него в руках не было, а потому я просто прошел мимо.

Деб посмотрела на меня и поприветствовала в своей любезной и очаровательной манере, точь-в-точь как я ожидал.

– Где тебя, блин, носило? – поинтересовалась она.

– В школе бальных танцев, – объяснил я. – На этой неделе мы учим танго. Не хочешь посмотреть?

Она скривилась и покачала головой.

– Иди сюда и займись делом вместо этого идиота.

– Прекрасно, я еще и идиот, – проворчал Винс и кивнул мне. – Попробуй сам поработать, когда Саймон Легри⁵ уже отгрыз тебе ползада.

– Если только ползада, то неудивительно, что ты разволновался, – заметил я и вежливо спросил у Деб: – Я так понимаю, в деле Марти Клейна появилось нечто новенькое?

– Именно это я и пытаюсь выяснить, – ответила Дебора. – Но если этот хрен не оторвет зад от стула, мы никогда не узнаем.

Я заметил, что и Деб, и Винс предпочитают сравнения из области ниже пояса – честно говоря, не самый мой излюбленный способ начинать день. Но все мы должны проявлять терпимость друг к другу на рабочем месте, поэтому я решил на сей раз не комментировать.

– Что у тебя тут? – спросил я.

– Просто оберточная бумага, блин, – пояснил Винс. – Найдена на полу машины Клейна.

– От какой-то еды, – добавил незнакомец в углу.

Я посмотрел на него, потом на Дебору и поднял бровь.

Она пожала плечами:

– Мой новый напарник. Алекс Дуарте.

– А, – протянул я. – *Mucho gusto*⁶.

Дуарте пожал плечами.

– Ага, – отозвался он.

– От какой еды? – уточнил я.

Дебора скрипнула зубами.

– Вот это я как раз и пытаюсь выяснить, – повторила она. – Если мы узнаем, где Марти перекусил перед смертью, то последим за этим местом и, может быть, найдем гада.

Я подошел к Винсу, который доставал из пакета с уликами комок грязной воценой бумаги.

– Он весь в жире, – сказал он. – На нем должны быть отпечатки пальцев. Сначала я хотел бы их поискать. Стандартная процедура.

– Придурок, у нас уже есть отпечатки Клейна, – возразила Дебора. – Мне нужен убийца.

Я посмотрел сквозь полиэтилен на застывший жир красновато-бурого оттенка; хотя обычно я не проявляю особого интереса к оберткам из-под еды, а потому вряд ли могу с уверенностью судить об этом предмете, но он показался мне знакомым. Я открыл пакет и тщательно понюхал. Благодаря таблеткам насморк наконец прекратился, а запах оказался сильным и недвусмысленным.

– Тако, – определил я.

– Будь здоров, – добавил Винс.

– Ты уверен? – спросила Дебора. – Это обертка из-под тако?

– Да, уверен, – сказал я. – Запах специй ни с чем не спутаешь.

Я приподнял пакетик и указал на крошечный желтый обломок, прилипший к бумаге: – А вот и кусочек лепешки.

– Господи Боже, тако! – с ужасом произнес Винс. – И что?

– Ну что? – повторил Дуарте. – Может быть, из «Тако белл»?

⁵ Жестокий рабовладелец, персонаж романа Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома».

⁶ Приятно познакомиться (*исп.*).

– Тогда на обертке был бы логотип, – заметил я. – И потом, если не ошибаюсь, там заворачивают тако в желтую бумагу. Скорее всего она из какой-нибудь забегаловки поменьше. Или даже с лотка.

– Прекрасно, – одобрила Дебора. – Да в Майами их миллион.

– И везде продаются тако, – немедленно подхватил Винс. – Гадость!

Дебора посмотрела на него.

– Ты в курсе, что ты конченный идиот?

– Нет, не в курсе, – радостно отозвался Винс.

– Но почему именно тако? – спросил Дуарте. – В смысле, кому нужны дурацкие тако? В смысле, что тут такого?

– Может быть, Марти не нашел, где купить эмпанату, – предположил я.

Дуарте тупо уставился на меня.

– Эмпа... чего?

– Ты можешь выяснить, откуда эта обертка? – спросила Деб. – Ну, там, исследовать специи, я не знаю...

– Деб, ради Бога, тако есть тако! Они, в общем, все одинаковые.

– А вот и нет, – возразила сестра. – Конкретно из-за этих тако убили копа.

– Тако-убийцы! – воскликнул Винс. – Отлично звучит.

– Может быть, есть какая-нибудь забегаловка, – начал я, и Дебора выжидающе посмотрела на меня. Я пожал плечами. – Ну, иногда новости распространяются, типа «у Мэнни классные гамбургеры» или в «Идальго» готовят лучшие в городе сэндвичи «Медьяноче», и так далее.

– Да, но тако... – сказал Винс. – Я серьезно, ребята.

– Или, допустим, они самые дешевые, – продолжал я. – Или продавщица стоит за лотком в бикини.

– Я знаю такой лоток, – вмешался Дуарте. – Очень красивая женщина. В бикини. Они со своим лотком объезжают стройки, и она неплохо зарабатывает, вот уж поверьте. Только потому, что показывает сиськи.

– Не верю ни слову, – сказала Деб. – Почему сиськи всегда оказываются самым главным?

– Не всегда. Иногда задница, – заметил Винс, ловко возвращая нас к изначальной теме разговора. Я задумался, нет ли где-нибудь поблизости скрытой камеры. Может быть, какой-нибудь ведущий телешоу, ухмыляясь, выдает приз всякий раз, когда мы упоминаем задницу?

– Мы можем поспрашивать, – предложил Дуарте. – Вдруг кто-нибудь из наших детективов знает место, где продают хорошие тако.

– Или показывают сиськи, – ввернул Винс.

Дебора предпочла промолчать, но он почему-то не возблагодарил судьбу.

– Выжмите из этой бумажки все, что можно, – приказала сестра, развернулась и вышла. Дуарте выпрямился, кивнул нам и последовал за ней.

Я проводил обоих взглядом. Винс моргнул и заспешил прочь, что-то бормоча про реагент. Несколько секунд я сидел неподвижно. Рубашка еще не высохла, и я здорово злился на Камиллу Фигг. Она стояла прямо у меня за спиной, слишком близко по всем правилам безопасности, и я даже не представлял, зачем ей это понадобилось. А главное, почему я не почувствовал чье-то приближение к моей незащищенной спине? На месте Камиллы мог оказаться наркобарон с автоматом или сумасшедший садовник с мачете, да и вообще с каким угодно смертоносным оружием, под стать кружке проклятого кофе. Где ты, Темный Пассажир, когда ты действительно нужен? И теперь я сидел в холодной лаборатории в мокрой рубашке и почти не сомневался, что подрываю и без того хрупкое здоровье. И в подтверждение этого безрадостного вывода я почувствовал, как меня снова одолевает чих. Я едва успел добраться до

салфетки, когда начался второй приступ. Таблетки от простуды... чушь какая. Они ничего не стоили. Как и все остальное в нашем жалком мире.

Прежде чем окончательно превратиться в жалкое месиво, истекающее слизью и полное жалости к самому себе, я вспомнил про чистую рубашку, висевшую позади стола. Я всегда держу ее поблизости, на случай какого-либо происшествия на работе. Я снял рубашку с плечиков и надел, а прежнюю, мокрую и залитую кофе, запихнул в полиэтиленовый пакет, чтобы забрать домой. Это была красивая «гуаябера» бежевого цвета с вышитыми вдоль кромки серебристыми гитарами. Я надеялся, Рита знает какой-нибудь волшебный трюк, чтобы удалить пятно.

Винс вернулся в лабораторию, и мы вместе взялись за работу. И постарались что было сил. Мы перепробовали все тесты, какие только могли: визуальные, химические и электронные, но не нашли ничего, способного вызвать довольную улыбку на лице Деборы. Сестра звонила нам трижды, проявив неслыханное самообладание. Но нам нечего было сказать. Я полагал, в обертке лежала тако, купленная на лотке, но, конечно, не рискнул бы подтвердить это под присягой.

К полудню таблетки перестали действовать, и я снова начал чихать. Я пытался не обращать на это внимания, но очень трудно выполнять тонкую работу, одновременно прижимая салфетку к носу, поэтому в конце концов сдался и сказал Винсу:

– Лучше я уйду, пока не засморкал все улики.

– Тако от этого хуже не становятся, – заметил тот.

Я в одиночестве пошел обедать в тайский ресторанчик возле аэропорта. Не то чтобы разглядывание старой обертки из-под тако внушило мне чувство голода, но я всегда полагал, что огромная миска пряного тайского супа способна бороться с простудой эффективнее, чем любые лекарства. Когда я доел суп, болезнетворные бактерии покинули мой организм вместе с потом, изгоняя простуду через поры в биосферу, где ей и надлежало находиться. Я почувствовал себя намного лучше и оставил чаевые, которые, возможно, несколько превышали норму. Но как только я вышел из ресторана и оказался на жаркой улице, у меня чуть не треснул череп от оглушительного чиха, и кости тут же отозвались такой болью, словно кто-то сжал мои суставы в тисках.

Счастье – это иллюзия. И тайский суп иногда – тоже. Я сдался, зашел в аптеку, купил еще таблеток и выпил сразу три. Когда я вернулся в лабораторию, пульсирующая боль в носу и в костях немного утихла. Не знаю, помог ли суп или таблетки, но мне показалось, я смогу пережить любое привычное страдание, назначенное судьбой. А поскольку я более или менее приготовился к неприятностям, ничего не случилось.

Остаток дня прошел без всяких событий. Используя наш громадный опыт, мы работали над довольно-таки слабой уликой, но к вечеру я выяснил лишь одно: Мацуока ненавидит мексиканскую кухню вообще, а не только тако.

– Если я поем эту дрянь, у меня отходят газы, – пожаловался он. – Сам понимаешь, в личной жизни от этого возникают проблемы.

– А я и не знал, что она у тебя есть, – заметил я. Под микроскопом лежал кусочек тако, и я рассматривал его в тщетной надежде обнаружить хотя бы крошечную подсказку, пока Винс изучал сальное пятно на обертке.

– Конечно, есть, – возразил он. – Я почти каждый вечер хожу на вечеринки. Я нашел волос.

– И что это за вечеринка?

– В смысле, я нашел волос на обертке. Что касается вечеринок, то я тщательно бреюсь. Целиком.

– Пожалуйста, без подробностей, – попросил я. – По-твоему, это нормально?

– Да, конечно, многие бреются.

– Я имею в виду волос на обертке. Кстати, он человеческий?

Винс посмотрел в микроскоп.

– По-моему, крысиный, – ответил он. – Вот еще одна причина, почему я не ем мексиканские блюда.

– Винс, – заметил я, – крысиные волосы не относятся к числу мексиканских специй. Они появляются, поскольку тако продают с какого-то паршивого лотка.

– Ну, не знаю, это ты у нас гурман, – сказал Винс. – Лично я предпочитаю стулья.

– Никогда не ел стулья. Что-нибудь еще?

– И столы. И настоящие столовые приборы.

– Что-нибудь еще есть на обертке? – спросил я, подавляя сильнейшее желание ткнуть Винса пальцем в глаз.

Тот пожал плечами:

– Просто жир.

И мне с моей крошкой тоже не повезло. Больше ничего не удалось выяснить, кроме того, что лепешку испекли из просеянной кукурузной муки и кое-каких неорганических добавок, видимо, консервантов. Мы провели все анализы, какие только можно сделать в лаборатории, не уничтожая обертку, и не нашли ничего интересного. Остроумие Винса также не поднялось на более высокую ступень, поэтому, когда я собрался уходить, в душе у меня не бурлила радость. Я отразил последнюю телефонную атаку Деборы, запер улики и зашагал к двери.

– Ты пошел за тако? – поинтересовался Винс, когда я взялся за ручку.

– Да, чтоб сунуть их тебе в задницу! – обрезал я. В конце концов, если где-то действительно выдавали приз за это слово, я имел право на попытку.

Глава 6

Я возвращался домой в час пик. Машина ползла очень медленно, меня агрессивно подрезали, а несколько раз я едва избежал столкновения. На обочине шоссе Пальметто горел пикап, а рядом, с почти скучающим видом, стоял полуголый парень в джинсах и старой ковбойской шляпе. На спине у него виднелась огромная татуировка в виде орла, в руке – сигарета. Все притормаживали, чтобы взглянуть на горящую машину, и я слышал вой сирены и гудки – пожарные пытались протолкнуться среди праздных зевак. Как только я миновал пикап, из носа снова потекло; когда я через четверть часа добрался до дома, то чихал уже каждую минуту и череп при этом едва не взрывался.

– Доба! – провозгласил я, открывая дверь, и ответом послужил рев ракетных двигателей. Коди, вооружившись игровой приставкой, старательно уничтожал мировое зло с помощью массивной артиллерийской атаки. Он посмотрел на меня и снова перевел взгляд на экран. По меркам Коди, это являлось радушным приветствием.

– Где мама? – спросил я.

Он кивком указал в сторону кухни.

– Там.

Хорошие новости. Рита на кухне, значит, готовится что-то вкусное. Я по привычке потянул носом, готовясь учуять аромат, и напрасно, поскольку в ноздрях засвербило и последовала целая серия оглушительных взрывов, от которых я чуть не рухнул на колени.

– Декстер? – спросила Рита.

– Апчхи! – ответил я.

Она показалась в дверях в резиновых перчатках и с огромным ножом в руке.

– Ты ужасно выглядишь.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Зачем тебе бож и перчатки?

– Бож?.. Ах нож. Я готовлю суп, – сказала она, помахивая ножом. – С красным перцем, поэтому пришлось... только в твоей порции, потому что иначе Коди и Эстор откажутся есть...

– Ненавижу острую еду, – объявила Эстор, выходя из комнаты и плюхаясь на кушетку рядом с Коди. – Почему мы вообще должны есть суп?

– Можешь съесть хот-дог, – ответила Рита.

– Ненавижу хот-доги.

Рита нахмурилась и покачала головой. На лоб упала прядка волос.

– Значит, – сделала она вывод, – можешь лечь спать голодная.

Запястьем отведя волосы со лба, она вернулась на кухню.

Я проводил ее взглядом, слегка удивившись. Рита почти никогда не сердилась, и я даже не помнил, когда она в последний раз была резка с Эстор. Я чихнул, подошел к кушетке и встал позади.

– Хотя бы немножко постарайся не расстраивать маму, – посоветовал я.

Эстор подняла глаза и подалась в сторону.

– Не зарази меня, – предупредила она с нешуточной угрозой.

Я посмотрел на ее макушку, по которой мне почему-то захотелось стукнуть каким-нибудь плотницким инструментом. С другой стороны, я понимал: вразумлять ребенка столь прямолинейным и энергичным способом – это далеко не общепринятый метод в нашем обществе. Обществе, в которое я пытался вписаться. В любом случае вряд ли я мог винить Эстор в раздражительности и злобе, которые чувствовал сам. Даже Рита, казалось, поддавалась общему упадку. Возможно, с летним дождем выпало нечто токсичное, заразив нас всех дурным настроением.

Поэтому я просто сделал глубокий вдох и покинул Эстор с ее прогрессирующим мрачным расположением духа. Я пошел на кухню проверить, способен ли мой нос учуять запах

готовящегося супа, и остановился на пороге. Рита стояла у плиты спиной ко мне. Облачко ароматного (на вид) пара клубилось вокруг. Я сделал еще шаг и испытующе принялся.

И конечно, чихнул. Получился потрясающий чих, очень громкий и особенно энергичный, в полный голос, от души. Он напугал Риту, она взвилась на несколько дюймов в воздух и уронила бокал, который держала в руках.

Он разбился на полу у ее ног.

– Блин! – вскрикнула она. Еще одна необычная вспышка. Рита посмотрела на лужицу вина, подтекавшую под тапочку, потом перевела глаза на меня и, к моему огромному удивлению, покраснела. – Я только... – сказала она. – Я задумалась, когда готовила. Ты так неожиданно...

– Прости, – взмолился я. – Мне просто захотелось понюхать суп.

– Да, но в самом деле... – Рита отправилась в коридор и поспешно вернулась со шваброй и совком. – Иди посмотри, как там малышка, – попросила она, принимаясь сметать битое стекло. – Может быть, ей надо поменять подгузник.

Некоторое время я наблюдал, как Рита подметает пол. Щеки у нее были пунцового цвета, и она старательно отводила взгляд. У меня возникло сильнейшее подозрение: здесь что-то не так. Но я решительно не понимал, в чем дело, сколько ни хлопал глазами и ни разевал рот. Наверное, я надеялся, что если смотреть достаточно долго, я получу какой-нибудь намек, например появятся субтитры или какой-нибудь тип в белом лабораторном халате протянет брошюру с объяснением на восьми языках и с диаграммами. Но ничего подобного не случилось, Рита склонялась над осколками, краснела и сметала битое стекло вместе с пролитым вином в совок, а я по-прежнему понятия не имел, почему и она, и остальные сегодня так странно ведут себя.

Поэтому я ушел с кухни и заглянул в спальню, где в кроватке лежала Лили-Энн. Она не вполне проснулась, но нервничала, дергала одной ногой и хмурилась, словно тоже подцепила непонятный вирус, от которого все вокруг злились. Я наклонился над ней и пощупал подгузник – он оказался полон и выпирал из-под маленькой пижамки. Я поднял Лили-Энн и перенес на столик. Она проснулась почти немедленно. Поменять подгузник стало немного труднее, но все-таки было приятно пообщаться с человеком, который на меня не огрызался.

Переодев Лили-Энн, я отнес ее в свой маленький кабинет, подальше от насупленных бровей и компьютерной жестокости, царившей в гостиной. Я сел за стол, держа малышку на коленях. Она играла шариковой ручкой, стуча ею по столу с похвальной сосредоточенностью и превосходным чувством ритма. Достав салфетку из коробки, я вытер нос и сказал себе, что простуда пройдет через пару дней, а потому нет причин считать ее чем-то большим, нежели маленьким неудобством. Все остальное прекрасно, чудесно, замечательно: птички кружатся вокруг и распевают песенки, и так семь дней в неделю, двадцать четыре часа в сутки. Моя личная жизнь близка к идеалу, она находится в приятном равновесии с работой. Очень скоро я достигну одно маленькое облачко на горизонте, и тогда у меня будет дополнительный бесплатный праздник, чистое и незамутненное наслаждение.

Я взял список «хонд» и положил его перед собой. Три имени вычеркнуто. Если продвигаться нынешним неторопливым шагом, на поиски уйдет несколько недель. Я хотел закончить немедленно, разрубить узел, поэтому склонился над списком, словно между строк могла прятаться красноречивая подсказка. Когда я нагнулся к бумаге, Лили-Энн потянулась и постучала по ней ручкой.

– На-на-на, – сказала она и, разумеется, была права.

Надлежало проявлять терпение и осторожность. Я найду Свидетеля, спущу с него шкуру, и тогда все будет хорошо...

Я чихнул. Лили-Энн вздрогнула, схватила листок, помахала им у меня перед носом и порывисто швырнула на пол, а потом повернулась ко мне и просияла, очень довольная собой.

Я кивком подтвердил ее мудрость. Заявление звучало недвусмысленно: «Перестань мечтать. У нас полно дел».

Но прежде чем мы успели привести в порядок налоговый кодекс, из коридора донесся очаровательный возглас.

– Декстер, дети! – позвала Рита. – Ужин готов!

Я посмотрел на Лили-Энн.

– Па, – сказала она. Я согласился.

И мы пошли ужинать.

* * *

Пятница прошла точно так же. Минувшую неделю было трудно назвать приятной, и я только порадовался, когда она наконец подошла к концу. Я собирался провести выходные дома, приканчивая простуду. Но сначала оставалось перетерпеть последние несколько часов на работе.

К полудню я уже проглотил шесть таблеток, извел полрулона бумажных полотенец и принялся за вторую половину, когда в лабораторию вошла Дебора. Мы с Винсом достигли той стадии, когда больше ничего нельзя было поделаться с оберткой из-под тако. Поскольку он отказался тянуть соломинки и бороться за честь сообщить об этом Деборе, мне пришлось самому позвонить ей и сказать, что мы не добились никакого результата.

– Черт! – провозгласила она, еще не успев войти. – Я так надеялась что-нибудь от вас получить!

– Может быть, успокоительное? – предложил Винс, и в кои-то веки я согласился с ним.

Дебора посмотрела на него, потом на меня, и я задумался: хватит ли у нас времени добежать до бомбоубежища? Но сестра не успела нанести кому-нибудь из нас тяжкие телесные повреждения, поскольку в дверях послышалось шарканье, и мы все оглянулись. Там стояла Камилла Фигг. Она уставилась на меня, покраснела, обвела взглядом присутствующих и произнесла:

– О! Я даже не извинилась.

Она кашлянула и заспешила прочь по коридору, прежде чем кто-либо осознал, что она сказала и как теперь быть.

Я вновь посмотрел на Дебору, ожидая наконец взрыва. Но, к моему удивлению, сестра не схватила за табельное оружие и даже не попыталась врезать кому-нибудь в плечо. Дебора глубоко вздохнула и заметно успокоилась.

– Парни, – проговорила она, – у меня дурное предчувствие насчет этого типа. Насчет психа, который убил Марти Клейна.

Винс открыл рот, явно собираясь сказать нечто, с его точки зрения, остроумное. Но Дебора взглянула на него, и он предпочел промолчать.

– Я думаю, он повторит, причем скоро, – продолжила Деб. – Весь отдел так считает. Они думают, это что-то вроде призрака, вроде Фредди Крюгера. Ребята перепугались и ждут, что я найду убийцу. Но у меня ничего нет, кроме одной-единственной маленькой зацепки. Дурацкая обертка из-под тако. – Она пожала плечами. – Конечно, это немного, но других вариантов нет, и я... пожалуйста, парни... Декс... вы ведь можете что-нибудь сделать? Хотя что-нибудь?

На ее лице читалась мольба, и я не сомневался: Дебора искренне и неподдельно нас упрямывает. Винс посмотрел на меня с тревожной гримасой. По части искренности у него было плоховато, кроме того, он слишком нервничал, чтобы говорить, а стало быть, мне предстояло взять неприятную миссию на себя.

– Деб, – начал я, – нам бы тоже очень хотелось поймать этого типа. Но мы зашли в тупик. Обертка – самая обычная, из какой-нибудь закуской. Крошек осталось слишком мало, чтобы

делать определенные выводы, помимо того, что в обертке были тако, да и то не поручусь. Ни отпечатков, ни других улик. Ничего. Мы не умеем творить чудеса.

Сказав про чудеса, я немедленно вспомнил клоуна, прочно привязанного скотчем к столу, но решительно отодвинул это приятное воспоминание и попытался сосредоточиться на Деборе.

– Прости. – Моя искренность была лишь наполовину наигранной. Неплохой результат. – Мы сделали все, что могли.

Дебора долго смотрела на меня. Она снова глубоко вздохнула, взглянула на Винса и медленно покачала головой.

– Ну ладно, – произнесла она. – Тогда, значит, просто будем ждать следующего раза и надеяться на везение.

Она развернулась и вышла из лаборатории – в три раза медленнее, чем вошла.

– Ого, – вполголоса сказал Винс, когда Дебора скрылась. – Я ее никогда такой не видел. – Он покачал головой. – Просто жуть.

– Наверное, она переживает из-за этой истории, – пояснил я.

– Нет, проблема в самой Деб, – возразил Винс. – Она изменилась. Она стала как будто мягче после того, как родила.

Я мог бы заметить, что по степени мягкости Деборе далеко до детектива Клейна, но счел это неудачной шуткой. В любом случае Винс не ошибся. Дебора действительно стала женственнее после рождения сына – Николаса. Ребенком ее наградил на прощание Кайл Чатски, долговременный бойфренд Деборы, который исчез с горизонта, осознав собственное ничтожество. Николас был на несколько месяцев младше Лили-Энн – довольно милый парнишка, хотя по сравнению с Лили-Энн он казался слегка заторможенным и далеко не таким красивым.

Но Дебора его обожала, что вполне естественно, и после родов словно и впрямь слегка подобрела, хотя я бы предпочел временами получать ужасающие тычки от привычной Деб, нежели видеть ее похожей на сдувшийся шарик. Но даже ее свежеприобретенная чувствительность не обратила камни в хлебы – мы действительно не смогли ничего выяснить, кроме того, что уже было известно. Обертка, найденная на полу машины, – не такая уж замечательная зацепка; а больше у нас ничего не имелось, и новые улики не собирались появляться благодаря исключительно силе нашего желания.

Остаток дня я провел, обдумывая проблему и пытаюсь найти какой-нибудь ловкий и остроумный способ извлечь из обертки побольше информации, но тщетно. Я хорошо выполняю свою работу, мне есть чем гордиться в профессиональном плане, и я предпочел бы видеть сестру счастливой и успешной. Но мне не удалось продвинуться дальше, чем до сих пор. Это становилось неприятным открытием, умаляло чувство личностной значимости и усиливало ощущение, что жизнь – паршивая собака, заслужившая хорошего пинка.

К пяти часам я охотно покинул мир разочарований и стресса и отправился домой, предвкушая отдых и восстановление сил в выходные. Езда была хуже, чем обычно; что вы хотите – вечер пятницы. Как всегда, преобладали жестокость и гнев, но с ноткой радости, словно люди собрали все силы, оставшиеся после рабочей недели, и употребили их на то, чтобы причинить окружающим как можно больше неприятностей по пути домой. На шоссе Долфин бензовоз врезался в микроавтобус из дома престарелых. Обе машины ехали со скоростью всего пять миль в час, но задняя часть микроавтобуса тем не менее пострадала от удара, и вдобавок он помял старую «тойоту» с одной-единственной нормальной крышкой и тремя баллонами.

Я прополз мимо в длинной медлительной веренице машин, из которых доносились ободриательные возгласы в адрес водителя бензовоза, который орал на четверых пассажиров «тойоты» и на кучку перепуганных стариков из микроавтобуса, жавшихся друг к другу на обочине. Машины то останавливались напрочь, то опять ползли вперед. Прежде чем съехать на шоссе

Дикси, я увидел еще две аварии, но каким-то чудом благодаря опыту, многолетней практике и необъяснимой удаче добрался до дома без серьезных повреждений.

Я остановил машину рядом с джипом двухлетней давности, уже стоявшим перед домом. Мой брат Брайан, как всегда в пятницу вечером, приехал на семейный ужин. Мы привыкли к этой традиции за последний год, с тех пор как Брайан объявился и возжелал лишь одного – общения со мной, своим единственным оставшимся в живых родственником. Он уже подружился с Коди и Эстор, поскольку они знали, кто он на самом деле – холодный и безжалостный убийца, точь-в-точь как я. Они тоже хотели стать такими. Рита, выказывая все ту же способность к здравому суждению в отношении мужчин, которая привела ее к двум последовательным бракам с чудовищами, проглотила безбожную лесть Брайана и решила, будто он отличный парень. Что касается меня... Я по-прежнему не до конца верил, что у Брайана нет никаких скрытых мотивов ошиваться здесь, но он, в конце концов, являлся моим братом, а семья есть семья. Родственников не выбирают. В лучшем случае их удастся пережить, что особенно актуально в нашем роду.

Лили-Энн сидела в манеже рядом с кушеткой, а Брайан – рядом с Ритой. Оба вели какой-то серьезный разговор. Они подняли головы при моем появлении, и почему-то мне показалось, будто на Ритином лице, когда она меня увидела, возникло виноватое выражение. Разгадать Брайана, впрочем, не удалось. Он уж точно не чувствовал за собой никакой вины, а потому просто улыбнулся в знак приветствия, лучезарно и фальшиво.

– Привет, брат, – сказал Брайан.

– Декстер... – Рита поспешно встала и подошла ко мне, чтобы быстренько обнять и поцеловать в щеку. – Мы с Брайаном просто разговаривали, – продолжала она, словно я мог заподозрить, что они практикуют любительскую нейрохирургию на ком-нибудь из соседей.

– Чудесно, – отозвался я и, не успев ничего более добавить, чихнул.

Рита отпрыгнула, так что на нее почти не попало.

– Сейчас принесу салфетки, – сказала она и пошла в ванную.

Я вытер нос рукавом, сел в свободное кресло и посмотрел на брата, а он на меня. Брайан недавно нашел работу в большой канадской риелторской фирме, скупавшей дома в южной Флориде. В его обязанности входило посещать людей, не уплативших по закладным, и убеждать их съехать поскорее. Как правило, это делается с помощью взятки тысячи в полторы долларов; тогда бывший владелец позволяет фирме завладеть собственностью и перепродать ее. Я говорю «как правило», поскольку в последнее время Брайан выглядел вполне преуспевающим и счастливым, и я подозревал, что он прикарманивает фонды, отпущенные на взятки, и использует куда менее привычные способы. В конце концов, если у бывшего хозяина истек срок по закладной, обычно он и сам предпочитает на некоторое время исчезнуть – так почему бы Брайану не помочь этому персонажу?

Конечно, у меня не было доказательств, да и не мое это дело, какова у брата личная жизнь, лишь бы он приходил в гости с чистыми руками и хорошо вел себя за столом. Тем не менее я надеялся, что он отказался от своего вычурного стиля и соблюдал осторожность.

– Как дела? – вежливо поинтересовался я.

– Чудесно, – ответил он. – Все говорят, рынок стабилизируется, но лично я этого не вижу. Мне в Майами хорошо, как никогда.

Я любезно улыбнулся, просто чтобы продемонстрировать брату, как выглядит по-настоящему классная фальшивая улыбка. Рита вернулась с салфетками.

– Держи, – сказала она, всучив мне пачку. – Просто носи их с собой и... Черт возьми, уже пора... – И Рита исчезла вновь, на сей раз на кухне.

Мы с Брайаном смотрели ей вслед с одинаковым выражением: ошарашенности и удивления.

– Чудесная женщина, – заметил брат. – Тебе повезло, Декстер.

– Молись, чтоб она не услышала, – отозвался я. – Рита решит, будто ты завидуешь. А у нее есть незамужние подружки.

Брайан явно испугался.

– Блин, а я об этом и не подумал. Она действительно может попытаться... э... так сказать, устроить мою личную жизнь?

– Ты и оглянуться не успеешь, – заверил я. – Она считает, что брак – это естественное состояние мужчины.

– А ты как считаешь?

– Многое можно сказать в пользу домашнего очага, – заметил я. – Думаю, Рита порадовалась бы, увидев, как ты вкушаешь семейное счастье.

– О Господи, – произнес Брайан и задумчиво посмотрел на меня, окинув взглядом с головы до ног. – То есть, – продолжил он, – ты, кажется, не против?

– Ну да, кажется, – ответил я.

– Значит, нет? – допытывался Брайан, высоко поднимая брови.

– Не знаю, – сказал я. – Честно говоря, мне нравится. Просто в последнее время...

– Свет потускнел, а вкус притупился? – подсказал он.

– Типа того, – признался я, хотя, честно говоря, подозревал, что он просто издевается.

Но Брайан снова посмотрел на меня очень серьезно и в кои-то веки не с фальшивым выражением лица. Его слова также звучали вполне искренне.

– Может, однажды выберешься со мной поразвлечься? – негромко предложил он. – Устроим развеселый мальчишник. Рита не станет возражать.

Не приходилось сомневаться, что он имеет в виду. Брайан признавал развлечения лишь одного сорта и давно мечтал разделить их со своим единственным родственником, с которым его многое сближало, – мы были братьями не только по крови, но и по оружию. Честно говоря, идея казалась почти непреодолимо притягательной, но... но...

– Почему бы нет, братец? – негромко спросил Брайан, подаваясь вперед с неподдельно убедительным выражением лица. – Почему?

Я смотрел на него, разрываясь между двумя побуждениями – либо немедленно принять приглашение, либо оттолкнуть брата и, возможно, воздев руки, воскликнуть: «Изыди, Брианус!» Но прежде чем я успел к чему-либо склониться, вмешалась сама жизнь, как обычно и бывает, приняв решение за меня.

– Декстер! – закричала из коридора Эстор со всей яростью сварливой одиннадцатилетней девчонки. – Помоги мне с математикой! Иди сюда быстро!

Я посмотрел на Брайана и покачал головой:

– Извини, братец.

Он откинулся на спинку дивана и улыбнулся привычной поддельной улыбкой:

– Мм... Домашний рай.

Я встал и пошел помогать Эстор.

Глава 7

Эстор сидела в комнате, которую делила с Коди. Она согнулась над книжкой, положенной на комод, который служил им обоим столом. Выражение ее лица, возможно, некогда выражало глубокую сосредоточенность, затем переродилось в раздраженную гримасу, от которой уже оставалось недалеко до злобно-угрожающего вида. Она обернулась, когда я вошел.

– Вот идиотство! – прорычала она с такой яростью, что я подумал, не сбегать ли за оружием. – Вообще никакого смысла не вижу.

– Не надо произносить таких слов, – сказал я, но довольно миролюбиво, поскольку не сомневался: Эстор пойдет в атаку, как только я повышу голос.

– Каких слов? Про «не вижу смысла»? – Она презрительно усмехнулась. – Вот уж чего в этой дурацкой книжке точно нет!

Эстор захлопнула учебник и плюхнулась в кресло, скрестив руки на груди.

– Дерьмовая книжка, – сказала она, искоса поглядывая на меня и проверяя, простят ли ей нехорошее слово. Я сделал вид, будто ничего не слышал, подошел, встал рядом и предложил:

– Давай посмотрим.

Эстор покачала головой, не поднимая глаз.

– Бессмысленное тупое дерьмо, – пробормотала она.

Я почувствовал, как приближается чих, и полез за салфеткой. По-прежнему не глядя на меня, Эстор предупредила:

– И если я от тебя заражусь, то, честное слово...

Она не договорила, что именно произойдет, но, судя по тону, ничего приятного.

Я сунул салфетку в карман, склонился над столом и открыл учебник.

– Ты не заразишься, я принимаю витамин С, – успокоил я ее, все еще пытаюсь говорить беззаботно, рассудительно и терпеливо. – На какой мы странице?

– Мне вообще не понадобится эта фигня, когда я вырасту, – буркнула Эстор.

– Может быть, – согласился я. – Но сейчас она тебе нужна.

Она стиснула зубы и промолчала, поэтому я слегка нажал.

– Эстор, ты вечно хочешь сидеть в шестом классе?

– Ненавижу шестой класс, – прошипела она.

– Единственный способ с ним покончить – написать годовую контрольную. Значит, придется все это выучить. – Глупо, – заметила она, но, казалось, слегка остыла.

– Ты-то не глупа, а значит, справишься. Ну, давай посмотрим.

Эстор сопротивлялась еще минуту, но я наконец заставил ее открыть нужную страницу. Проблема оказалась относительно простой – система координат, и, как только Эстор успокоилась, я с легкостью все ей объяснил. Мне всегда хорошо давалась математика, такая незатейливая по сравнению с попытками постичь человеческое поведение. Эстор хоть и не отличалась природными склонностями к вычислениям, зато быстро соображала. Закрыв наконец учебник, она сделалась намного спокойнее и довольнее, поэтому я решил еще немного попытать счастья и побеседовать о другом неотложном деле.

– Эстор, – сказал я, и, должно быть, в моем голосе невольно прозвучало «я взрослый а потому слушай», так как она немедленно взглянула на меня с тревогой. – Твоя мама попросила поговорить с тобой про скобки.

– Она хочет испортить мою жизнь! – заявила Эстор, прямо с низкого старта достигая внушительного уровня предпубертатной ярости. – Я буду страшная, и никто не захочет на меня смотреть!

– Ты не будешь страшная, – возразил я.

– Мне наденут ужасные железные штуки на зубы! – закричала она. – Это просто кошмар!

– Лучше побыть страшной несколько месяцев сейчас, чем остаться такой на всю жизнь, – намекнул я. – Выбор очень прост.

– Почему нельзя просто сделать операцию? – застонала Эстор. – Разобраться раз и навсегда. Заодно несколько дней посижу дома.

– Потому что так не бывает.

– Значит, по-любому плохо! Все будут смеяться и говорить, будто я похожа на киборга!

– Почему ты так думаешь?

Эстор устремила на меня презрительный взгляд, достойный взрослого.

– Ты что, не учился в школе?

Она была права, но развивать тему я не стал.

– Ты в школе не навечно, – сказал я, – и скобки – тоже не навсегда. Когда их снимут, у тебя будут идеальные зубы и потрясающая улыбка.

– Какая мне разница, я все равно не улыбаюсь, – проворчала Эстор.

– Но рано или поздно повод появится, – заверил я. – Когда ты немножко подрастешь, то начнешь ходить на дискотеки и сверкать шикарной улыбкой. Нужно мыслить в перспективе...

– В перспективе! – сердито повторила Эстор, точно услышала непристойность. – В перспективе я целый год буду ходить уродкой, и никто об этом никогда не забудет! Даже в сорок лет я останусь Девочкой с Кошмарными Скобками!

У меня задвигались губы, но слова с них так и не сорвались. Эстор была не права по многим пунктам, и я даже не знал, с чего начать, но в любом случае она окружила себя такой высокой стеной горя и гнева, что всякие возражения лишь подлили бы масла в огонь.

Однако, к счастью для моей репутации миротворца, прежде чем я успел произнести что-либо и подавиться собственными словами, из коридора донесся громкий голос Риты:

– Декстер, Эстор! Идите ужинать!

Я еще не успел закрыть рот, как Эстор встала и вышла. Так закончился маленький душе-спасительный разговор про скобки.

Я проснулся утром в понедельник от собственного чиха. Ощущение было такое, словно турецкий тяжеловес все выходные дробил косточки в моем теле. Еще не окончательно проснувшись, я решил, что маньяк, который при помощи молотка превратил детектива Клейна в кашу, каким-то образом пробрался в мою спальню и обработал меня, пока я спал. Но потом я услышал шум воды в туалете. Рита пронеслась через комнату, выскочила в коридор и отправилась на кухню; нормальная жизнь кое-как вставала на ноги и, ковыляя, двинулась навстречу новому дню.

Я потянулся, и боль в суставах потянулась вместе со мной. Я подумал, не она ли внушила мне сочувствие к Клейну. В этом ощущалось что-то странное, раньше я никогда не страдал от подобной душевной слабости, и даже преображающая магия Лили-Энн не сумела в мгновение ока превратить меня в тонкокожего сентиментального филантропа. Должно быть, подсознание забавлялось игрой «соедини все точки».

Тем не менее, встав и приступив к утренним делам (в том числе к исправному чиханию каждую минуту), я осознал, что постоянно размышляю о случившемся. Кожа Клейна не была повреждена; к нему применили значительную силу, но не пролили ни капли крови. Я догадался – и Пассажир одобрительно зашипел, – что Клейн оставался в сознании, пока кто-то поочередно крушил его кости. Он прочувствовал каждый хруст и треск, каждый мучительный удар молотка, пока после впечатляющей агонии не получил достаточно внутренних повреждений, чтобы наконец умереть. Мне показалось, это гораздо хуже простуды. Ничего веселого, особенно для Клейна.

Но, несмотря на мое отвращение и на презрение Темного Пассажира, я действительно начал ощущать внутри своего черепа шевеление вялых пальцев сострадания – да, сострадания,

но не к Клейну. Сочувствие, от которого в голове словно извивались щупальца, относилось к палачу Клейна. Конечно, это глупо, но тем не менее послышался едва разборчивый шепоток: мол, я возражал против смерти Клейна, поскольку кто-то использовал неправильный инструмент. В конце концов, не постарался ли я сам, чтобы Валентайн не терял сознания и хорошенько оценил уделенное ему внимание? Конечно, Валентайн, имевший привычку приставать к мальчикам и убивать их, заслужил смерть, но разве есть в мире совершенно невинные люди? Не исключено, что детектив Клейн обманывал налоговую службу или бил жену, а может быть, жевал, не закрывая рта. Возможно, он вполне заслужил то, что сделал с ним так называемый маньяк. И, честно говоря, кто скажет, будто мои поступки хоть чем-то лучше?

Я слишком хорошо понимал, что этот неприятный разговор несправедлив по многим причинам, но тем не менее недовольное бормотание продолжалось на заднем плане, пока я ел завтрак, чихал, собирался на работу, чихал и, наконец, выпив две таблетки, вышел за дверь. Апчхи. Я не мог избавиться от нелепого ощущения, что сам виновен ничуть не меньше, а возможно, намного больше, поскольку Клейн покуда оставался единственной жертвой убийцы, а у меня в шкапулке из розового дерева лежали пятьдесят два стеклышка, и на каждом – капелька крови – в память о навеки ушедшем товарище по играм. Неужели я в пятьдесят два раза хуже?

Конечно, это нелепо. Сделанное мной – полностью оправдано, освящено кодексом святого Гарри и направлено на благо общества, не говоря уже о том, что очень весело. Но я оказался так погружен в созерцание собственного пупка, что инстинкт самосохранения развеял туман эгоизма, лишь когда я въехал на шоссе 1 и влился в поток транспорта на Пальметто. Инстинкт издавал предупреждающее тихое, но достаточно упорное шипение и наконец привлек мое внимание. Когда я прислушался, оно обрело форму одной-единственной и совершенно отчетливой мысли.

«Кто-то за мной наблюдает».

Не знаю, с чего я это взял, но факт оставался фактом: я физически чувствовал чей-то взгляд, точно по моей шее сзади водили острым как бритва кончиком ножа. Ощущение было такое же несомненное и недвусмысленное, как солнечный свет. Кто-то наблюдал за мной, именно за мной, и отнюдь не имел в виду мои интересы.

Разум напоминал: я в Майами, в утренний час пик, когда почти любой человек способен смотреть на меня с отвращением и ненавистью по какой угодно причине – может быть, ему не нравится моя машина или я похож на его школьного учителя алгебры. Но что бы там ни твердил Рассудок, Осторожность отвечала: не важно, почему за тобой наблюдают. Главное – это происходит. Кто-то следил за мной, замышляя недоброе, и нужно было выяснить кто.

Неторопливо и непринужденно я осмотрелся. Я находился в середине абсолютно нормальной утренней пробки, неотличимой от остальных пробок, образовывавшихся здесь каждое утро. Справа от меня – две полосы машин. Ближе всего – потрепанная «импара», а за ней – старый «форд» с брезентовым верхом. За ними тянулись «тойоты», джипы и «БМВ», и каждый предыдущий таил в себе не больше угрозы, чем следующий.

Я снова посмотрел вперед, продвинулся на несколько дюймов, медленно обернулся, чтобы взглянуть налево...

...и прежде чем моя голова успела повернуться, послышался визг покрышек и дружный хор гудков. Какая-то старая «хонда» резко вырулила с магистрали на съезд, вернулась на шоссе 1 и помчалась в северном направлении, проскочив на желтый свет и исчезнув в переулке. Глядя вслед, я заметил левый габарит, болтающийся под странным углом, и «родимое пятно» на багажнике.

Я смотрел на нее до тех пор, пока стоявшие позади водители не начали сигналить, и уверял себя в чистейшем совпадении. Я хорошо знал, сколько в Майами старых «хонд» – все они числились в моем списке. До сих пор я лично повидал только восемь, возможно, мне попалась одна из непроверенных. Я пытался убедить себя, что какой-то идиот вдруг передумал и решил

поехать на работу другой дорогой. Ну или внезапно вспомнил о включенной кофеварке или забытом дома диске с презентацией.

Не важно, сколько веских банальных поводов я придумал, оправдывая поведение владельца «хонды». Иная, темная, уверенность продолжала возражать, спокойно, обоснованно и настойчиво заверяя: кто бы ни сидел за рулем машины, он смотрел на меня и замышлял недоброе, а когда я обернулся, он удрал, словно за ним гнались демоны, и мы прекрасно поняли, что это значит на самом деле.

Завтрак начал жечь мне желудок, руки сделались липкими от пота. Неужели это правда? Неужели есть некоторая вероятность, будто человек, наблюдавший за мной в ту ночь, выследил меня и узнал номер моей машины задолго до того, как я успел найти его... и теперь я под наблюдением? Безумная, до идиотизма неправдоподобная версия, все шансы – не в ее пользу, нелепо, немыслимо, просто невозможно поверить... но неужели правда?

Я стал размышлять. Нет никакой связи между Декстером Морганом, парнем из следственного отдела, и домом, где закончился путь Валентайна. Я приехал и уехал на машине Валентайна, и меня не видели, когда я удирал. Значит, пойти по следу невозможно, так как никакого следа не осталось.

Значит, магические способности или совпадение. Хотя я не возражаю против Гарри Поттера, второе все-таки казалось вероятнее. Тем более от заброшенного дома до того места, где Пальметто пересекало шоссе 1, было чуть больше мили. Я уже предполагал, что мой Свидетель жил в том же самом районе, а значит, он почти неизбежно ездил на работу по шоссе 1, а затем по Пальметто. У большинства людей работа начинается примерно в одинаковое время, и все местные едут одной и той же дорогой. Это до боли очевидно, и именно поэтому каждое утро здесь неизменная пробка. Следовательно, наша встреча – не настолько безумное совпадение, как показалось сначала. На самом деле очень даже вероятно, что мы оба ездили одним путем в течение достаточно долгого времени, то есть рано или поздно он должен был увидеть мою машину и меня.

И увидел. Причем на сей раз у него появилась возможность рассмотреть меня получше. Я тщетно пытался определить, долго ли он мной любовался. Машины то трогались с места, то останавливались, причем «останавливались» – ключевое слово, и порой стояли минуты по две. Оставалось лишь гадать, сколько времени он смотрел на меня, зная, что это я. Скорее всего несколько секунд, если доверять внутреннему сигналу тревоги.

Тем не менее этого вполне достаточно, чтобы запомнить марку и цвет моей машины, записать номер и бог весть что еще. Мне-то хорошо известно, как можно распорядиться даже половиной этой информации; зная мой номер, он, разумеется, будет искать меня. А станет ли? До сих пор Свидетель только бегал. Действительно ли он собирался идти по следу, а потом материализоваться на пороге моего дома с мясницким ножом? На его месте я бы так и поступил – но он-то не Декстер. Я прекрасно владел компьютером, и к моим услугам были ресурсы, недоступные большинству смертных, но я пользовался ими, чтобы совершать такие дела, которые не делал больше никто. Декстер – только один, и Свидетель – не Декстер. Кем бы ни был этот человек, он уж точно не похож на меня. Тем не менее я понятия не имел, каков он и на что способен, и тщетно уверял себя, будто никакой подлинной опасности нет. И все же не мог избавиться от подспудного ощущения тревоги: Свидетель что-то замышляет. Голос холодного рассудка вынужденно замолчал, заглушенный воплями отчаянного ужаса, заполонившими мозг. Незнакомец снова столкнулся со мной и раскрыл тайну моей повседневной личности. Я чувствовал себя беспомощным и уязвимым, как никогда в жизни.

Я даже не помню, как въехал на Пальметто и двинулся дальше, и лишь благодаря чистой случайности утренний поток машин не расплющил меня, как заблудившегося опоссума. Добравшись до работы, я немного успокоился, достаточно для того, чтобы придать лицу убедительное выражение. Но ручеек тревоги вновь зажурчал в подсознании, уже на грани паники.

К счастью для жалких остатков моего душевного равновесия, мне не пришлось долго предаваться собственным мелким заботам. Я еще не успел заняться привычными утренними делами, когда меня отвлекла влетевшая в лабораторию Дебора со своим новым напарником Дуарте на буксире.

– Так, – сказала она, словно продолжая прерванный разговор, – значит, у этого типа должен быть послужной список. Из ниоткуда такое не берется, правильно? Что-нибудь наверняка уже бывало раньше.

Я чихнул и захлопал глазами. Не самый обстоятельный ответ. Но поскольку я был погружен в собственные горести, понадобилось несколько секунд, чтобы понять, в чем дело.

– Мы говорим об убийце детектива Клейна? – уточнил я.

Дебора нетерпеливо выдохнула.

– Блин, Декс, о чем еще, по-твоему, я могу говорить?

– О НАСКАР, – ответил я. – Если не ошибаюсь, в выходные состоялись большие гонки.

– Не строй из себя черт знает что! – отрезала она. – Мне нужно знать.

Я мог бы заметить, что выражение «черт знает что» больше подходит человеку, который, ворвавшись в кабинет к брату утром в понедельник, забывает даже поприветствовать его и поинтересоваться, как прошли выходные. Но я хорошо знал, что Деб не терпит никаких намеков на рабочий этикет, а потому решил воздержаться от комментариев.

– Наверное, ты права, – согласился я. – Такие штуки обычно являются завершением долгого процесса, который начинается совсем с другого... сама понимаешь. С ситуаций, которые привлекают к человеку внимание.

– С каких? – полюбопытствовал Дуарте.

Я помедлил. Почему-то мне стало неловко, наверное, меня смутило присутствие постороннего; я в принципе не люблю об этом говорить, даже с Деб, это слишком личное. Я постарался заполнить паузу, схватив салфетку и вытерев нос, но оба продолжали заинтересованно смотреть на меня, как две собаки в ожидании лакомства. Ничего не оставалось, кроме как двинуться дальше.

– Ну, – сказал я, бросая салфетку в мусорное ведро, – чаще всего такие люди начинают, например... с домашних животных. В детстве. Лет в двенадцать. Они убивают собачек, кошек и все такое. Э... просто экспериментируют. Ищут правильное ощущение. Ну и... сами понимаете. Кто-нибудь из членов семьи или сосед находит мертвое животное. Тогда парня ловят и арестовывают.

– И появляется первая запись, – сделала вывод Деб.

– Возможно, – подтвердил я. – Но если наш друг действительно вписывается в схему, такое могло происходить в детстве, и им занималась инспекция по делам несовершеннолетних. Следовательно, материалы дела конфиденциальны. Нельзя просто взять и попросить судью выдать тебе закрытый документ.

– Все лучше, чем ничего, – энергично заметила Дебора. – А теперь подскажи, как развить тему.

– Деб, – запротестовал я, – у меня нет ничего... – Я снова чихнул. – Кроме простуды.

– Блин, неужели ты не можешь придумать какую-нибудь зацепку?

Я посмотрел на нее, потом на Дуарте, и ощущение неловкости усилилось, смешавшись с раздражением.

– Как?!

Дуарте пожал плечами.

– Деб говорит, ты вроде как профилировщик-любитель, – сказал он.

Я удивился и слегка разозлился: какого черта Дебора проболталась Дуарте? Мой так называемый талант по составлению психологических портретов – нечто глубоко личное, им я обязан непосредственному общению с социопатами наподобие самого себя. Но Дебора все-

таким проговорила, поскольку, возможно, доверяла Дуарте. Во всяком случае, деваться было некуда.

– А, да, – наконец выдал я. – Mas o menos⁷.

Дуарте покачал головой:

– Это что, да или нет?

Я посмотрел на Деб, и, честное слово, она ухмыльнулась.

– Алекс не говорит по-испански, – пояснила она.

– О...

– Алекс знает французский, – продолжила Деб, глядя на него с грубоватой нежностью.

Мне стало совсем неловко, поскольку я совершил грубую ошибку, предположив, будто всякий житель Майами с кубинской фамилией обязан говорить по-испански. Однако благодаря этому я получил еще одну подсказку, отчего Деборе нравился ее новый напарник. Она учила в школе французский, бог весть почему, хотя мы росли в городе, где на испанском говорили чаще, чем на английском, а французский был бесполезнее прошлогоднего снега. И хотя в Майами становилось все больше гаитян, они говорили на креольском, который походил на французский не больше, чем на китайский.

И вот Деб нашла родственную душу, и, несомненно, они привязались друг к другу. Бесспорно, нормальный человек почувствовал бы теплый прилив радостного удовлетворения при мысли о том, что у сестры благоприятная ситуация на работе, но речь-то шла обо мне, а я ничего не ощутил. Кроме раздражения и тревоги.

– Ну, bonne chance⁸, – сказал я. – Однако если вы поговорите с судьей даже по-французски, он вряд ли выдаст вам дело, некогда заведенное на подростка. Тем более мы не знаем, чьи документы нам нужны.

Дебора перестала смотреть на Дуарте с тошнотворной нежностью.

– Блин, – произнесла она, – я не могу просто сидеть и ждать у моря погоды.

– Возможно, и не придется, – заметил я. – Почти уверен, он нападет еще раз.

Деб долго смотрела на меня, прежде чем кивнуть.

– Да, – согласилась сестра, – я тоже в этом уверена.

Она покачала головой, взглянула на Дуарте и вышла. Он последовал за ней, а я чихнул.

– Gesundheit⁹, – сказал я самому себе, но лучше мне не стало.

⁷ Более или менее (*исп.*).

⁸ Удачи (*фр.*).

⁹ Будьте здоровы (*нем.*).

Глава 8

В течение следующих нескольких дней я снова занимался охотой на «хонду». Каждый вечер я, немного задержавшись на работе, намечал себе очередной адрес и отправлялся туда на машине, если идти пешком оказывалось слишком далеко. Я возвращался домой, только когда становилось уже совсем темно и невозможно было ничего разглядеть, проходил мимо семейного стола и запирался в ванной, не говоря ни слова, с каждым вечером все более удрученный.

На третий вечер интенсивных поисков я вошел в дом в поту с головы до ног и понял, что Рита смотрит на меня, оглядывая сверху донизу, словно пытается обнаружить какой-то изъян. Я остановился и спросил:

– Что?

Она подняла глаза и покраснела.

– Ничего... просто уже поздно, и ты весь мокрый... я подумала... правда ничего.

– Я бегал, – объяснил я, недоумеваю, почему вынужден оправдываться.

– Ты же поехал на машине, – заметила Рита.

Мне показалось, она уделяет слишком большое внимание моим делам, но, возможно, такова одна из маленьких странностей брака, поэтому я предпочел не заострять на этом внимание.

– Я заехал на школьный стадион, – сказал я.

Рита долго смотрела на меня, ничего не говоря, и в ее душе явно что-то происходило, хотя я понятия не имел, что именно. Наконец она произнесла:

– Да, теперь ясно.

Она встала и прошла на кухню, а я отправился в долгожданный душ.

Может быть, раньше я этого не замечал, но теперь каждый вечер, когда я возвращался после «пробежки», Рита встречала меня тем же загадочным напряженным взглядом, а потом шла на кухню. На четвертый день этого странного поведения я последовал за ней и молча встал на пороге. Она открыла шкаф, достала бутылку вина и налила полный бокал. Когда она поднесла его к губам, я, незамеченный, попятился.

Я не находил в происходящем никакого смысла; неужели существовала некая зависимость между моим приходом домой в состоянии взмысленности и решением Риты выпить вина? Я ломал голову, пока принимал душ, но через несколько минут остановился на том, что недостаточно разбираюсь в сложной теме брака и человеческих взаимоотношений, а еще меньше – понимаю Риту, но в любом случае у меня есть и другие заботы. Найти ту самую «хонду» было гораздо важнее, а я пока не достиг еще никакого результата, хотя в этой сфере являлся специалистом. Поэтому я перестал биться над разгадкой тайной взаимосвязи между Ритой и Вином, считая это еще одним кирпичиком в сплошной стене разочарований, которая воздвигалась вокруг.

Через неделю простуда прошла, а я вычеркнул много имен из списка, достаточно, чтобы задуматься, не трачу ли я драгоценное время понапрасну. Я затылком чувствовал горячее дыхание и испытывал все возрастающее желание нанести удар раньше, чем мой незнакомец нападет, но оно отнюдь не сделало меня ближе к Свидетелю. С каждым днем и с каждым вычеркнутым из списка именем я становился раздражительнее и даже начал грызть ногти, хотя отделался от этой привычки еще в школе. Я злился, испытывал сильнейшее недовольство и часто задумывался, не окажется ли напряжение непосильным.

Но мне по крайней мере повезло больше, чем офицеру Гюнтеру. Когда жестокое убийство Марти Клейна превратилось, так сказать, в постоянный тревожный гул на заднем плане, офицера Гюнтера тоже нашли мертвым. Он был полицейским, а не детективом, как Клейн, но, бесспорно, над ним поработал наш знакомый убийца. Он медленно и методично размозжил тело

Гюнтера, превратив его в сплошной двухсотфунтовый синяк и переломав все крупные кости с тем самым терпением и тщанием, которые оказали столь несомненный эффект на Клейна.

На сей раз тело оставили не в патрульной машине на трассе I-95. Офицера Гюнтера заботливо устроили в Бейфронт-парке, прямо перед Факелом дружбы, и в этом однозначно ощущалась ирония. Труп нашла молодая канадская чета, приехавшая в свадебное путешествие и отправившаяся рано утром на романтическую прогулку. Еще одно долгое воспоминание о чудесном времени, проведенном в нашем волшебном городе.

Приехав в Бейфронт-парк, я увидел маленькую компанию полицейских, охваченных чем-то вроде сверхъестественного ужаса. В этот относительно ранний час атмосфера тихой паники на месте преступления никоим образом не проистекала от нехватки кофе. Все присутствующие были напряжены, даже ошеломлены, словно увидели привидение. И я с легкостью понял почему: обычный человек не сумеет почти публично бросить труп и скрыться незамеченным. Бискайнский бульвар в Майами не назовешь уединенным и безлюдным местом, куда может заглянуть среднестатистический маньяк-убийца, чтобы избавиться от тела. Вблизи Факела всегда полно народу, но почему-то Гюнтера бросили именно тут, и, судя по всему, он пролежал несколько часов, прежде чем его обнаружили.

Как правило, копы весьма чувствительны к прямым вызовам. Они считают оскорблением, если кто-нибудь занимается столь дерзким эксгибиционизмом перед носом у закона. Подобные случаи вызывают справедливую ярость всех правоохранительных органов. Но лучшие полицейские Майами полнились не гневом, а сверхъестественным страхом, точно разом собрались бросить оружие и обратиться за помощью в службу психологической поддержки.

Признаюсь, даже мне стало очень неприятно видеть так старательно размозженный труп на тротуаре рядом с Факелом. Я не понимал, каким образом живое существо прошло по одной из самых оживленных городских улиц и, оставшись незамеченным, подбросило в парк тело человека, столь несомненно и недвусмысленно мертвого. Никто, впрочем, не предположил вслух, будто здесь постарались сверхъестественные силы, – по крайней мере я этого не слышал. Но, судя по виду присутствующих копов, они не спешили вычеркивать чертовщину из списка.

Моя подлинная сфера компетенции – не всякая нежить, а брызги крови. Их-то здесь и не оказалось. Убийство, бесспорно, произошло в другом месте, а труп просто оставили на этом очаровательном и хорошо известном пятачке. Но я не сомневался, что Дебора потребует прозрений, а потому побродил вокруг, пытаясь обнаружить какую-нибудь малозаметную, но важную улику, которую проглядели оболтусы из следственного отдела. Впрочем, смотреть оказалось особо не на что, не считая бесформенного пятна в синей форме, некогда бывшего офицером Гюнтером, женатым, с тремя детьми. Я видел, как Эйнджел Батиста по прозвищу «Не родственник» медленно передвигался по периметру, стараясь отыскать хоть какие-нибудь зацепки, но, видимо, тщетно.

Позади ярко вспыхнул свет; слегка испугавшись, я обернулся. В нескольких шагах от меня стояла Камилла Фигг, сжимая в руках фотоаппарат и краснея, с виноватым выражением лица.

– О, – прошептала она срывающимся голосом, – я думала, вспышка отключена. Извини.

Я хлопнул глазами, отчасти из-за яркой вспышки, а отчасти потому, что не видел никакого смысла в ее словах. А следом кто-то из стоявших за периметром перегнулся через ленту и сфотографировал нас обоих, пока мы пялились друг на друга. Камилла немедленно сорвалась с места и заспешила на маленькую квадратную лужайку между дорожками, где Винс Мацуока нашел отпечаток ноги. Она начала наводить на него фотоаппарат, а я отвернулся.

– Никто ничего не видел, – сказала Дебора, возникнув из ниоткуда рядом со мной. После неожиданной вспышки нервы отреагировали мгновенно, и я подскочил, словно где-то поблизости действительно появился призрак. Когда я вновь обрел почву под ногами, сестра посмотрела на меня с легким удивлением.

– Я испугался, – объяснил я.

– А я и не знала, что ты умеешь пугаться, – засомневалась Деб. Она нахмурилась и покачала головой. – Впрочем, здесь кто угодно перестремается. Парк – самое людное место в городе, но кто-то притащил сюда труп, бросил его возле Факела и свалил.

– Тело нашли на рассвете, – уточнил я. – Значит, когда он оставил труп, было еще темно.

– Здесь не бывает темно, – возразила Дебора. – Фонари, свет от домов, рынок, стадион в квартале отсюда. Не говоря уж о треклятом Факеле, который горит двадцать четыре часа в сутки.

Я оглянулся. Я бывал в парке не раз, днем и ночью, и от всех зданий в окрестности действительно круглые сутки исходил яркий свет. Поскольку рядом располагались большой рынок и «Эйрлайнс-арена», здесь всегда было много огней, машин и полицейских. Ну и треклятый Факел, разумеется.

А еще – купы деревьев и относительно безлюдная полоса травы с другой стороны. Я посмотрел туда. Дебора нахмурилась и тоже повернулась. Сквозь деревья позади Факела просвечивало солнце, игравшее на водах Бискайнского залива. По ослепительно сиявшей глади, направляясь к пристани, величественно шел огромный парусник, но моторная яхта еще больших размеров пронеслась мимо, заставив его закачаться на волнах. Смутная догадка мелькнула в моей голове, и я показал рукой в ту сторону. Дебора выжидающе глянула на меня, а потом, как в мультфильме, снова сверкнула вспышка фотоаппарата, и сестра широко раскрыла глаза: до нее дошло.

– Вот сукин сын... этот ублюдок приплыл на лодке. Ну конечно! – Она хлопнула в ладоши и покрутила головой, высматривая своего напарника. – Дуарте!

Тот поднял голову. Дебора, жестом приказав следовать за ней, развернулась и заспешила к воде.

– Не стоит благодарности, – произнес я, когда сестра поспешно зашагала к волнолому, и обернулся посмотреть на фотографа, но никого не обнаружил, кроме Эйнджела – Не родственника, который стоял, почти уткнувшись носом в какой-то подозрительный кустик, и Камиллы, махавшей кому-то в толпе зевак, стоявших в два ряда за ограждением. Она с кем-то заговорила, а я снова посмотрел на сестру, которая бежала к волнолому искать подтверждение версии, что убийца действительно приплыл на лодке. Благодаря огромному количеству позитивного личного опыта я хорошо знал: при наличии лодки можно сделать буквально что угодно, особенно ночью. И «что угодно» – это не только удивительные проявления нескромности, которым время от времени предаются парочки в открытом море. Развлекаясь излюбленным образом, я и сам проделывал на лодке многое из того, что люди с ограниченным мышлением сочли бы предосудительным. Поэтому я не сомневался: никто ничего не заметил, даже ненормального сверхъестественного убийцу, который привез совершенно безжизненное, но довольно массивное тело мертвого копа, перебрался через волнолом и притащил труп в парк.

Поскольку дело происходило в Майами, оставалась по крайней мере еще одна вероятность: кто-то что-то видел, но решил молчать. Например, свидетели боялись стать жертвами, ну или не хотели, чтобы полиция обнаружила у них отсутствие вида на жительство. Учитывая особенности современной жизни, я не исключал и того, что по телевизору в это время шел особенно интересный выпуск «Разрушителей мифов», и свидетели боялись опоздать к началу. Поэтому еще целый час Деб и ее команда тщетно бродили вокруг волнолома в поисках Человека, Который Был Нам Нужен.

И это неудивительно, по крайней мере для меня, что они никого не нашли. Никто ничего не знал и не видел. В окрестностях волнолома жизнь кипела, но люди либо ехали на работу, либо спешили в магазины на набережной, либо собирались на лодочную экскурсию. Ни один не стоял тут на страже посреди ночи. А разного рода охранники сейчас, несомненно, предавались заслуженному отдыху дома, после целой ночи бдительного и тревожного вглядывания

в темноту, ну или сидения перед телевизором. Но Дебора, как положено, записала номера и телефоны всех охранников ночной смены, а потом вернулась ко мне и нахмурилась, словно я был виноват в безрезультатности поисков. Точно именно я отправил ее к волнолому.

Мы стояли на причале, неподалеку от «Бискайнской жемчужины» – яхты, на которой катали туристов вдоль города. Дебора прищурилась, глядя в сторону парка, покачала головой и зашагала обратно к Факелу, а я потащился следом.

– Кто-нибудь наверняка что-то видел, – рассудила она. Оставалось лишь надеяться, что самой Деборе эти слова показались достаточно убедительными. – Я не сомневаюсь. Невозможно втащить здоровенного копа на волнолом и допереть его до парка так, чтобы никто не заметил.

– Фредди Крюгер справился бы, – заметил я.

Дебора врезала мне в плечо, но не от всей души, поэтому я без особых усилий сдержал вопль боли.

– Только не хватало разговоров о всякой чертовщине! – отрезала она. – Кое-кто уже спросил Дуарте, не позвать ли сантеро, просто на всякий случай.

Я кивнул. Наверное, позвать сантеро, то есть священника сантерии, не повредит, если ты в это веришь, а большинство жителей Майами верят.

– И что сказал Дуарте?

Дебора фыркнула.

– Он спросил, кто такой сантеро.

Я посмотрел на сестру, пытаюсь понять, не шутит ли она. Каждый кубинец знает, кто такой сантеро. Вполне вероятно, в его собственном роду есть как минимум один. Надо было спросить у Дуарте по-французски. Но прежде чем я успел притвориться, будто понял шутку, и фальшиво рассмеяться, Деб продолжила:

– Я понимаю, этот тип маньяк, но он ведь живой человек.

Я был почти уверен, что она имеет в виду не Дуарте.

– Он не невидимка и не может телепортироваться туда-сюда.

Дебора остановилась у огромного дерева, задумчиво посмотрела на него, потом в ту сторону, откуда мы пришли.

– Взгляни, – сказала она, указывая на «Жемчужину». – Если привязать лодку здесь, рядом с яхтой, можно добраться под прикрытием деревьев почти до самого Факела.

– Не думаю, что это идеальное укрытие, – заметил я. – Но близко к тому.

– Прямо рядом с треклятой яхтой, – пробормотала Дебора. – Люди должны были что-нибудь заметить.

– Если только не спали.

Она снова посмотрела на Факел вдоль линии деревьев, словно целясь из винтовки, пожала плечами и пошла дальше.

– Кто-нибудь что-нибудь видел, – упрямо повторила Деб. – Обязательно видел.

Мы вернулись к Факелу, я бы сказал, в приятном молчании, если бы сестра не выглядела столь очевидно встревоженной. Медик только-только закончил осматривать труп Гюнтера, когда мы подошли. Взглянув на Деб, он покачал головой в знак того, что не нашел ничего интересного.

– Мы знаем, где Гюнтер обедал? – спросил я у Деборы.

Сестра уставилась на меня, точно я предложил ей раздеться догола и пробежаться по Бискайскому бульвару. – Обед, Деб, – терпеливо повторил я. – Например, мексиканские блюда.

До нее дошло. Дебора поспешила к медику.

– Я хочу знать содержимое его желудка, – донеслось до меня. – Выясните, не ел ли он недавно тако.

Как ни странно, медик посмотрел на нее без особого удивления. Наверное, если поработать с трупами и копами в Майами достаточно долго, человек разучится удивляться, и требование поискать остатки тако в желудке мертвого патрульного станет для медика привычной рутинной. Он устало кивнул, и Дебора пошла обсудить что-то с Дуарте, предоставив мне томиться бездельем и предаваться глубоким размышлениям.

Я занимался этим несколько минут, но вывод оказался грустным: я голоден, а поблизости нет никакой еды. Делать тоже было нечего – никаких брызг крови, а ребята из лаборатории уже работали вовсю.

Я отвернулся от тела Гюнтера и обозрел периметр. Привычная толпа любителей страшилок стояла по ту сторону ленты, сбившись в кучу и толкаясь локтями, словно в ожидании начала рок-концерта. Они разглядывали тело, и, надо отдать им должное, кое-кто и впрямь старался казаться испуганным, когда вытягивал шею, чтобы посмотреть. Конечно, большинство просто тянулось через ленту, в надежде сделать на мобильник фотографию получше. Скоро снимки размозженного тела офицера Гюнтера заполонят Интернет, и мир объединится в безупречной гармонии, притворившись испуганным и возмущенным. Чудо техники.

Я побродил некоторое время вокруг, давая полезные советы, но, как обычно, никому не были интересны мои прозрения; подлинные знания никогда не ценят. Люди предпочитают бродить в потемках и делать ошибку за ошибкой вместо того, чтобы прибегнуть к помощи человека, способного указать, в чем они промахнулись, даже если этот человек несомненно умен.

Иными словами, в этот час, безбожно далекий от обеденного перерыва, недооцененный и недоиспользованный Декстер наконец соскучился и решил вернуться к настоящей работе, ожидающей его в маленькой норке. Я нашел дружелюбно настроенного копа, который собирался в ту же сторону. Он хотел поболтать о рыбалке, и, поскольку я в этом немного разбираюсь, мы неплохо ладили. Он даже предложил купить что-нибудь по пути в китайской забегаловке, то есть сделал бесспорно дружеский жест, и в знак благодарности я заплатил за его порцию креветок ло мейн.

Распрощавшись с моим новым лучшим другом и усевшись за стол в обществе благоуханного ленча, я начал усматривать некоторый смысл в лоскутном одеяле страданий и унижений, которое мы называем Жизнью. Кислый суп оказался очень вкусным, клецки – мягкими и сочными, а кунь пао – таким горячим, что я даже вспотел. Испытав удовлетворение по окончании ленча, я задумался о собственной ограниченности: неужели для счастья мне достаточно всего-навсего вкусно поесть? Или дело в чем-то более серьезном и зловещем? Например, в еду подмешали глутамат натрия, который действует на центр удовольствия в мозгу, заставляя радоваться против воли.

Так или иначе, я наслаждался, вырвавшись из плена темных облаков, клубившихся вокруг меня последние нескольких недель. Законные поводы для беспокойства действительно имелись, но я чересчур погрузился в свои тревоги. Судя по всему, несколько вкусных китайских блюд исцелили меня. Я поймал себя на том, что напеваю, выбрасывая пустые коробочки в мусорное ведро. Удивительный прогресс для Декстера. Может быть, это и есть настоящее человеческое счастье? И оно достигается благодаря клецкам? Не сообщить ли какой-нибудь национальной организации психического здоровья, что цыплята кунгпао лучше золотых? Не исключено, что мне вручат Нобелевскую премию. Или по крайней мере благодарственное письмо из Китая.

Что бы ни послужило причиной хорошего настроения, оно длилось почти до конца рабочего дня. Я спустился в хранилище за кое-какими образцами, с которыми работал, а когда вернулся в свою берлогу, обнаружил большой и неприятный сюрприз. Он заключался примерно в двухстах фунтах афроамериканского темперамента и больше напоминал какое-нибудь необыкновенно зловещее насекомое, нежели человека. Это существо стояло на двух сияющих

протезах, а одна из металлических клешней, заменявших ему руки, тыкала в клавиатуру моего компьютера.

– А, сержант Доукс, – сказал я, изо всех сил имитируя любезность. – Помочь тебе зайти на фейсбук?

Он резко обернулся, явно не ожидая, что его застукают за подглядыванием.

– Ото атрю, – произнес он довольно отчетливо. Любитель-хирург, лишивший Доукса рук и ног, отрезал ему и язык, поэтому завести приятную беседу с сержантом стало почти невозможно.

Конечно, мы и раньше не ладили: он всегда меня ненавидел и подозревал. Я ни разу не дал Доуксу повод усомниться в моем тщательно сконструированном невинном облике, но он все-таки сомневался, постоянно сомневался... а потом мне не удалось спасти сержанта от злополучной операции. Я пытался, честное слово, просто не получилось. Давайте будем справедливы (ведь это очень важно): я все-таки спас большую его часть. Но теперь Доукс обвинял меня и в ампутации, помимо многих других неуставленных деяний. Он торчал за моим компьютером и «ото атрел».

– Отто? – бодро повторил я. – Ты ищешь немецкое кино, сержант? А я и не знал, что тебе оно нравится.

Доукс уставился на меня с еще большей ненавистью, достигшей, таким образом, внушительного объема, и взял со стола маленький, размером с записную книжку, аппарат искусственной речи, который носил с собой. Он нажал кнопку, и машинка произнесла радостным баритоном:

– Просто смотрю!

– Ну конечно! – сказал я со стопроцентно синтетическим добродушием, пытаясь подражать странной жизнерадостности автомата. – И бесспорно, у тебя хорошо получается. Но, к сожалению, ты чисто случайно шарить в моем персональном компьютере на моем личном рабочем месте, и, в общем, это несколько против правил.

Доукс вновь яростно посмотрел на меня. Ей-богу, у него в запасе осталась только одна эмоция. Не отводя взгляда, он снова что-то нажал на своем приборе, и тот откликнулся неправдоподобно радостным голосом:

– Однажды! Я! Тебя! Достану! Сукин! Сын!

– Не сомневаюсь, – спокойно заметил я. – Но только занимайся этим на своем компе.

Я улыбнулся Доуксу, демонстрируя отсутствие злобы к нему, и указал на дверь.

– А теперь, если ты не возражаешь...

Он набрал полную грудь воздуха, с шипением выпустил его сквозь зубы, по-прежнему не моргая, сунул свой аппарат под мышку и зашагал прочь, унеся с собой остатки хорошего настроения.

У меня появился еще один повод для тревоги. Что искал сержант Доукс? Бесспорно, он надеялся найти нечто подозрительное, но что именно? И почему теперь на моем компьютере? У него не было никаких законных поводов там шарить. Я почти не сомневался: Доукс не разбирается в информационных технологиях и не питает к ним интереса. Когда он лишился конечностей, ему из жалости выделили рабочее место, чтобы он отработал последние несколько лет и мог претендовать на полную пенсию. Он занимался какой-то бесполезной административной работой в отделе кадров. Я не знал, какой конкретно, да, в общем, и знать не хотел.

И вот он появился тут, в моем кабинете, за моим компьютером, бесспорно реализуя часть персональной программы под названием «Добить Декстера», прямо здесь, на работе. Почему? Насколько я знал, до сих пор Доукс ограничивался общим наблюдением и никогда раньше не лазал по чужим вещам. С какой стати он поднялся на новую, столь неприятную ступень? Неужели сержант наконец перешагнул черту и его охватило злобное безумие, посто-

янная мишень которого – я? Или у Доукса действительно появился повод полагать, будто он наткнулся на нечто любопытное и у него есть шанс доказать мою вину?

Казалось бы, это невозможно. Конечно, я виноват, я совершил множество смертельных, очень приятных и теоретически не вполне законных поступков. Но я всегда соблюдал величайшую осторожность и тщательно прибирал за собой. Я понятия не имел, что такого, по мнению Доукса, он мог мне предъявить, поскольку практически не сомневался: найти ничего нельзя.

Все это всерьез меня озадачило и растревожило. И дурацкое радужное настроение, естественно, мигом улетучилось. Я вернулся к привычной мрачности. Вот и весь эффект китайской еды – через полчаса снова начинаешь злиться.

Дебора, впрочем, выглядела еще мрачнее, ввалившись в мой кабинет. Я как раз собирался домой.

– Ты рано ушел от Факела, – заметила она и издала такой звук, словно я попался на краже канцелярских принадлежностей.

– Я должен был заняться делами, – сказал я, по мере сил подражая ее сварливому тону.

Дебора хлопнула глазами.

– Черт возьми, что с тобой такое в последнее время? – поинтересовалась она.

Я сделал глубокий вдох, не столько нуждаясь в кислороде, сколько во времени.

– Что ты имеешь в виду?

Сестра поджала губы и склонила голову набок.

– Ты все время дергаешься. Огрызаешься. И как будто слегка встревожен. Не знаю. Словно что-то не дает тебе покоя.

Мне стало очень неловко. Дебора, разумеется, не ошиблась, но что я мог сказать? Причина для тревоги действительно имелась: я не сомневался в существовании Свидетеля, а теперь вдобавок застукал сержанта Доукса, который лазал в моем компьютере. Объединить эти два факта было почти невозможно, сама мысль о том, что загадочный Свидетель действовал сообща с Доуксом, чтобы «достать» меня, казалась нелепой, но отдельные события, если рассматривать их вместе, вызывали беспокойство. Мной владели иррациональные чувства, к которым я вовсе не привык.

Но как объяснить это сестре? Мы с Деб всегда были близки, конечно, но отчасти именно потому, что не делились друг с другом переживаниями. Просто не могли. Я в принципе лишен эмоций, а Дебора слишком стыдилась своих чувств, чтобы признать их.

И все-таки нужно что-нибудь сказать; кроме Деборы, наверное, мне не с кем было по-настоящему поговорить, разве что выложив сотню долларов за часовую беседу с психологом, но эта идея казалась неудачной. Пришлось бы либо раскрыть ему правду о себе – а это невыносимо, – либо изобрести какую-нибудь правдоподобную выдумку, то есть выбросить на ветер деньги, которые могли бы пойти на обучение Лили-Энн в медицинском колледже.

– Я и не знал, что это заметно, – сказал я наконец.

Дебора фыркнула.

– Декстер, я – твоя сестра. Мы вместе выросли и вместе работаем... я знаю тебя лучше, чем кто бы то ни было. Лично мне все видно. – Она подняла бровь в знак поощрения. – Ну, так что с тобой?

Она, конечно, была права. Деб действительно знала меня лучше всех – лучше Риты, Брайана и остальных, за исключением разве что Гарри, нашего покойного отца. Как и Гарри, Дебора даже знала про существование Темного Декстера и его пристрастие к ножу. И она смирилась. Если и следовало излить душу, то именно сейчас и именно ей. Я на мгновение закрыл глаза, соображая, с чего начать.

– Не знаю... – пробормотал я. – Просто... э... несколько недель назад, когда я...

Рация Деборы ожила, послышался громкий грубый звук, похожий на электронную отрывку, а затем отчетливый голос:

– Сержант Морган, вы где?

Сестра покачала головой и достала рацию.

– Морган слушает. Я в лаборатории.

– Лучше идите сюда, сержант, – сказал голос. – Мы тут кое-что нашли, и вам стоит посмотреть.

Дебора взглянула на меня.

– Извини.

Она нажала кнопку на рации и ответила:

– Уже иду.

Сестра встала и направилась к двери, потом остановилась и обернулась.

– Мы еще поговорим, Декс, ладно?

– Конечно, – согласился я. – Не волнуйся.

Видимо, ей эта фраза не показалась такой жалкой, как мне. Дебора кивнула и поспешно вышла. А я закрыл лавочку на ночь и пошел к машине.

Глава 9

Солнце еще светило ярко, когда я добрался до дома. Таково одно из немногих преимуществ лета в Майами – пускай температура под сорок градусов, а влажность намного выше ста процентов, но когда ты приезжаешь домой в шесть, еще совсем светло и можно посидеть во дворе с семьей и часика полтора попотеть.

Но моя семья, конечно, ничем подобным не занималась. Мы местные жители. Загар – это для туристов, а мы предпочитали наслаждаться благами кондиционера. И потом, с тех пор как Брайан подарил Коди и Эстор игровые приставки, вытащить детей из дома удалось бы разве что силой. Оба не испытывали ни малейшего желания выходить из комнаты, где находились приставки, ни под каким предлогом. Пришлось установить очень строгие правила: обязательное разрешение родителей, предварительно сделанные уроки, игра не больше часа в день.

Поэтому, когда я вошел и увидел, как Коди и Эстор стоят перед телевизором, крепко сжимая в руках джойстики, первый вопрос вылетел автоматически:

– Уроки сделали?

Они даже не посмотрели на меня. Коди просто кивнул, а Эстор нахмурилась.

– Да, после школы, – сказала она.

– Ладно. А где Лили-Энн?

– С мамой, – ответила Эстор, по-прежнему хмуро глядя на неприятную помеху в моем лице.

– А где мама?

– Не знаю! – Эстор помахала джойстиком, конвульсивно дергаясь в такт происходящему на экране. Коди посмотрел на меня – в игре настала очередь сестры – и слегка пожал плечами. Он редко произносил больше трех слов кряду – маленький побочный эффект дурного обращения со стороны биологического отца, – поэтому разговаривала за обоих преимущественно Эстор. Но в эту минуту она, как ни странно, оказалась совершенно не в настроении говорить – может быть, продолжала злиться по поводу грозящих ей скобок. Я перевел дух и решил сорвать растущее раздражение на детях.

– Прекрасно, – произнес я. – Спасибо, что спросили, да, был очень тяжелый день на работе, но мне уже намного лучше теперь, когда я вернулся в уютное семейное гнездышко, так приятно с вами поболтать.

Коди странно ухмыльнулся и негромко повторил:

– Гнездышко.

Эстор никак не отреагировала – стиснув зубы, она атаковала огромного монстра на экране. Я вздохнул. Сарказм способен принести некоторое утешение, но он, как и юность, пропадает даром, если расточать его на детей. Я сдался и пошел искать Риту.

На кухне ее не оказалось, и я изрядно разочаровался, поскольку это значило, что она не занята приготовлением какого-нибудь чудесного блюда на ужин. На плите ничего не кипело. Остатков вчерашней еды я тоже не обнаружил. Это удивило меня и слегка испугало. Я надеялся, что не придется заказывать пиццу – дети, конечно, обрадовались бы, но пицца не шла ни в какое сравнение с самым небрежным из творений Риты.

Я вернулся в гостиную и прошел по коридору, но не нашел Риту ни в ванной, ни в спальне. Я забеспокоился, не утащил ли ее Фредди Крюгер, а потом выглянул в окно, на задний двор.

Рита сидела за столом для пикника, который мы поставили под огромным баньяном, заслонявшим ветвями почти полдвора. Левой рукой она обнимала сидевшую на коленях Лили-Энн, а правой держала большой бокал вина.

Ничем другим Рита вроде бы не была занята – просто смотрела на дом и медленно покачивала головой. У меня на глазах она отхлебнула вина, на мгновение крепче прижала малышку и, похоже, тяжело вздохнула.

Она вела себя очень странно, и я не понимал, в чем дело. Раньше я никогда не видел, чтобы Рита так проводила время – сидела одна, грустила и пила вино. Какова бы ни была причина, я ощутил тревогу, наблюдая ее за этим занятием. Но чем бы ни занималась Рита, главное заключалось в том, что она не готовила ужин, и подобное опасное бездействие требовало немедленного и решительного вмешательства. Поэтому я снова прошел через весь дом, мимо Коди и Эстор, которые по-прежнему радостно расправлялись с компьютерными монстрами, и через заднюю дверь вышел в сад.

Рита посмотрела на меня и на мгновение застыла. Потом поспешно отвернулась, поставила бокал на скамью и снова подняла глаза.

– Я дома, – радостно, хоть и с осторожностью, произнес я.

Она громко шмыгнула носом.

– Знаю, – кивнула Рита. – Ты уйдешь и снова вернешься весь потный.

Я сел рядом. Лили-Энн запрыгала при моем приближении, и я протянул ей руки. Она запросилась ко мне, и Рита с измученной улыбкой отдала малышку.

– Ты такой хороший отец, – сказала она. – Почему я просто не...

Она покачала головой и снова зашмыгала носом.

Я перевел взгляд с радостного, смеющегося личика Лили-Энн на грустное лицо Риты. Она не только страдала от насморка, но и плакала. Щеки у нее были мокрые, глаза покраснели и слегка опухли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.